

**Изъ статьи В. И. Ломанскаго (въ I кн. журн. Мин. Нар. Просв.
1892 г.)**

29-го ноября скончался въ Харьковѣ заслуженный ординарный профессоръ Александръ Афанасьевичъ Потебня. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ ученыхъ, для огромнаго большинства нашей публики онъ былъ однимъ изъ неизвѣстнѣйшихъ нашихъ писателей. Значительное большинство русскихъ литераторовъ, что ежедневно и ежемѣсячно, изъ года въ годъ будятъ, поучаютъ и поднимаютъ нашу читающій міръ, и разнаго рода покровители и любители бѣднаго русскаго просвѣщенія знавали профессора Потебню развѣ по имени: печатался въ двухъ, трехъ нечитаемыхъ журналахъ, состоялъ по вѣдомству народнаго просвѣщенія и въ извѣстные сроки получалъ соотвѣтственныя званію никогда не являвшагося въ Петербургъ провинціальнаго профессора и приличныя сему повышенія и награды, на лѣтнее время часто бывалъ увольняемъ въ отпуски за границу.

Тѣмъ не менѣе глубокомысленный, оригинальнѣйшій изслѣдователь русскаго языка, А. А. Потебня принадлежалъ къ весьма малочисленной, на перечень извѣстной, плеядѣ самыхъ крупныхъ, самобытныхъ дѣятелей русской мысли и науки. На его имя и труды будутъ у насъ со временемъ указывать, при часто предъявляемомъ Россіи вопросѣ— что внесено ею въ сокровищницу человѣческаго знанія? Мало, мало у насъ славныхъ именъ, мало совершено нами крупныхъ дѣлъ въ области мысли и знанія. Всего менѣе, какъ извѣстно, сдѣлано нами въ области наукъ историко-нравственныхъ, очень мало по филологіи и языкознанію.

Послѣ А. Х. Востокова ни одинъ быть можетъ изъ нашихъ филологовъ—тутъ есть нѣсколько весьма почтенныхъ именъ—не отличался такими, какъ профессоръ Потебня, способностями языковѣда, такимъ даромъ провидѣнія и проницательности въ тайны и тончайшія особенности и черты языковъ славянскихъ, не оставилъ по себѣ трудовъ съ такимъ высоковажнымъ значеніемъ для славянской филологіи, для сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ.

Какъ къ концу дѣятельности великаго основателя славяновѣдѣнія аббата Добровскаго, Россія дала Востокова, разомъ далеко двинувшаго впередъ новую отрасль знанія, а въ пору зрѣлости и наибольшей славы другаго крупнаго слависта на западѣ, Шафарика, Россія трудами и дѣятельностью Прейса, Бодянскаго, Григоровича, Срезневскаго, Ундольскаго, Горскаго, Буслаева, Лавровскаго, Гильфердинга, Тихонравова, Пыпина, далеко распространила и въ ширь и въ глубь изученіе разныхъ частей славяновѣдѣнія, такъ точно ко второй половинѣ самой плодотворной и энергической дѣятельности третьяго большаго слависта на западѣ—покойнаго профессора Миклошича, Россія въ послѣднія два десятилѣтія блестяще была представлена профессоромъ Потебней. Его изслѣдованія по славянской филологіи, этимологіи и синтаксису, по народной поэзіи и мифологіи, отмѣчены такимъ сильнымъ даромъ проницательности, такимъ глубокимъ знаніемъ и пониманіемъ разнообразныхъ повременныхъ и мѣстныхъ явленій, самыхъ иногда тонкихъ отличій и свойствъ языковъ славянскихъ, литовскаго, латышскаго, что во многихъ отношеніяхъ эти труды покойнаго харьковскаго профессора значительно превышаютъ и далеко оставляютъ за собою наилучшія, однородныя изысканія профессора Миклошича. Изслѣдованія профессора Потебни уже начали оказывать вліяніе на новѣйшіе труды молодыхъ славистовъ на западѣ, но можно въ увѣренности предвидѣть гораздо большее ихъ вліяніе въ будущемъ.

Правда, профессоръ Потебня писалъ не популярно, не для публики. Выражаясь всегда очень сжато, пиша исключительно для ученыхъ, посвящая свое богатое дарованіе и свои лучшіе, не щедро отмѣряемые судьбой, годы, русскимъ ученымъ, не на распространеніе знаній, а на движеніе науки впередъ, на освѣщеніе темныхъ и на проложеніе новыхъ путей знанія, профессоръ Потебня имѣлъ всегда въ запасѣ такъ много новыхъ наблюденій и соображеній, располагалъ такою массою собранныхъ имъ данныхъ, и при томъ въ области весьма обширной, что ему некогда было заботиться объ изложеніи болѣе популярномъ.

Къ великому моему сожалѣнію я никогда не находился въ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ покойнымъ А. А. Потебней. Только разъ въ жизни случилось мнѣ встрѣтиться съ нимъ въ Вѣнѣ въ 1862 г. и провести съ нимъ въ самой оживленной бесѣдѣ нѣсколько пріятнѣйшихъ часовъ въ теченіе одного, двухъ или трехъ дней, теперь рѣшительно не помню. Его красивое, выразительное лицо, его живая,

блиставшая оригинальнымъ умомъ и богатствомъ продуманныхъ, изъ первыхъ рукъ добытыхъ, свѣдѣній, его любовь и художественная чуткость къ народной поэзіи, его рѣдкое, особенно въ тогдашней молодежи, уваженіе къ свободѣ и разуму народной жизни и мысли, его убѣжденіе въ народности науки въ каждой странѣ, произвели на меня неизгладимое впечатлѣніе и внушили мнѣ глубокое къ нему сочувствіе. О встрѣчѣ нашей я ничего не записалъ, подробности нашихъ разговоровъ мною заботы, помню впрочемъ, что кромѣ языка и народной поэзіи шла рѣчь и о русской литературѣ и о разныхъ нашихъ и славянскихъ дѣлахъ. Помню также, что съ глубокою грустью вспомнилъ онъ о своемъ безвременно погибшемъ младшемъ братѣ, жертвѣ юношескихъ увлеченій, передалъ нѣсколько подробностей о лично ему знакомой и высоко имъ цѣнимой писательницѣ нашей—Кохановской. Во второй и въ послѣдній разъ мнѣ пришлось заочно сойтись съ покойнымъ Александромъ Аѳанасьевичемъ въ началѣ нынѣшняго года. По предложенію Отдѣленія Этнографіи, Совѣтъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества присудилъ проф. Потебнѣ свою высшую награду—Константиновскую медаль. Какъ председательствующій въ этомъ Отдѣленіи, я извѣстилъ и поздравилъ Александра Аѳанасьевича, и мы тогда обмѣнялись нѣсколькими письмами. Онъ прислалъ мнѣ, по моей просьбѣ, свою фотографію. Сличивъ ее съ его фотографическою карточкою, данною имъ мнѣ въ 1862 г., я разумѣется, нашелъ его сильно состарѣвшимся; но лица, видѣвшія его прошлую зиму, говорили мнѣ, что онъ исхудалъ, ослабѣлъ и постарѣлъ такъ, что эта фотографія уже не представляетъ настоящаго Александра Аѳанасьевича. Проф. М. С. Дриновъ и самъ Александръ Аѳанасьевичъ писали мнѣ еще зимой, что здоровье его очень плохо и силы слабѣютъ. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ отъ 25-го апрѣля онъ въ заключеніе прибавилъ: «За вопросъ о здоровьѣ—благодарю. Все плохо. По утрамъ кое-что ковыряю, какъ старуха чулокъ вяжетъ, при полномъ отсутствіи интереса, спуская петли и роняя спицы. 3-ю ч. Записокъ (по Русской грамматикѣ) нужно еще разъ переписать непременно самому; но она мнѣ уже надоѣла и я не знаю, когда я это сдѣлаю».

Подъ конецъ своей жизни замѣчательнѣйшій русскій филологъ, глубокомысленный изслѣдователь русскаго языка и его историческаго развитія, А. А. Потебня печально глядѣлъ на постановку филологическаго образованія въ русской средней и высшей школѣ. Въ письмѣ

ко мнѣ, отъ 7-го февраля 1891 г., Александръ Аонасьевичъ писалъ между прочимъ: «Я немногимъ Васъ моложе: въ этомъ году мнѣ будетъ 56. У меня два сына, къ счастью оба уже въ университетѣ, старшій на математическомъ, младшій на естественномъ. Случилось такъ, что 17 января, когда я получилъ отъ Васъ телеграмму, старшій получилъ (золотую) медаль за сочин(еніе) по механикѣ. На выборъ факультетовъ я не вліялъ, между прочимъ, и потому, что къ своему пристрастію не чувствую. Печальная судьба филологическихъ знаній въ Россіи. Порою кажется, что мы идемъ не впередъ, а назадъ. У насъ въ этомъ году на 1005—32 филолога, въ томъ числѣ по славянорусскому) отдѣленію) м(ожетъ) быть) человекъ 5—6, да и то не по призванію, а ради хлѣба. Теперь у меня (на дому) 3 слушателя, въ томъ числѣ одинъ изъ вашихъ кандидатовъ, Ляпуновъ, который здѣсь держитъ на магистра славянской филологіи. Изъ него будетъ прокъ».

Въ заключеніе нашей памятной замѣтки о дорогомъ покойникѣ позволяю себѣ повторить мой отзывъ о трудахъ Потебни, представленный медальною коммисіею отдѣленія этнографіи совѣту Императорскаго Русскаго Географическаго Общества о присужденіи проф. Потебнѣ Константиновской медали.

«Перебирая рядъ замѣчательныхъ сочиненій по лингвистикѣ, филологіи и народовѣдѣнію, вышедшихъ у насъ за послѣдніе три года, коммисія остановилась на трехъ новѣйшихъ трудахъ нашего глубоко-ученаго и высокоталантливаго языковѣда, уже тридцать лѣтъ энергически работающаго на пользу и славу отечественной науки въ области тѣхъ изслѣдованій, которыя, по § 1 Положенія, подлежатъ присужденію Константиновской медали со стороны Отдѣленія Этнографіи: «этнографическія и лингвистическія изслѣдованія, относящіеся до народовъ, обитающихъ въ Россіи, или соплеменныхъ съ ними, если они привели къ какимъ-либо новымъ и важнымъ результатамъ».

Разумѣемъ три новыхъ труда проф. А. А. Потебни: 1) Изъ записокъ по Русской грамматикѣ. I Введеніе. II. Составные члены предложенія и ихъ замѣны. 2-е изданіе Харьковъ. 1889. 535+IV стр. въ 8-ку. 2) Значеніе множественнаго числа въ русскомъ языкѣ. Воронежъ. 1888. 76 стр. Въ 8-ку. 3) Объясненія малорусскихъ и еродныхъ пѣсенъ. Веснянки. Колядки. Щедровки. 2 тома. Варшава. 1883 и 1887. 268 +801 стр. въ 8-ку.

При оцѣнкѣ этихъ трудовъ проф. Потебни, мы обратимъ вниманіе, согласно § II-му Положенія о приеужденіи Константиновской медали, и на прежнія произведенія автора.

Постоянными предметами 30-ти лѣтнихъ занятій и изслѣдованій проф. Потебни были: Русскій языкъ въ его повременномъ развитіи и въ его географическомъ разнообразіи, въ связи и въ сравненіи съ родственными языками, то-есть, исторія русскаго языка и русская діалектологія, сравнительно съ исторіею и діалектологіею сродныхъ языковъ, преимущественно славянскихъ и литовско-лотышскаго, или иначе историко-сравнительное изученіе русскаго языка въ отношеніяхъ фонетическомъ, морфологическомъ, синтактическомъ и словарномъ, и такое же историко-сравнительное изученіе народной поэзіи, со стороны ея формы и содержанія, возстановленіе приѣмами историко-сравнительнаго метода по остаткамъ обрядовъ, повѣрій, преданій, по разнымъ поэтическимъ образамъ и мотивамъ цѣлыхъ отдѣловъ народныхъ пѣсенъ, религіозно-поэтическаго міросозерцанія древнихъ славянъ и сродныхъ имъ народовъ.

Высокое образованіе проф. Потебни, вполне знакомаго съ историческимъ ходомъ и современнымъ состояніемъ сравнительнаго языкознанія, изученія народной поэзіи и сравнительной міеологіи, близкое знакомство съ санскритомъ и зендомъ, съ двумя классическими языками, съ историко-сравнительною грамматикою языковъ германскихъ и романскихъ, глубокое на первоисточникахъ основанное знаніе не только русскаго языка, древняго, стараго и новаго, въ его нарѣчіяхъ и говорахъ, но и всѣхъ языковъ славянскихъ, равно какъ литовскаго и лотышскаго, — всѣ эти особенности составляютъ рѣдкія и цѣнныя достоинства даже между лучшими учеными, славянскими и европейскими, особенно если онѣ соединены съ такимъ же глубокимъ знаніемъ народной поэзіи русскаго и всѣхъ славянскихъ племенъ, а также и наиболѣе съ нимъ сроднаго, литовско-лотышскаго. Но какъ ни цѣнны и ни почтенны эти качества, они не дадутъ еще полнаго понятія о значеніи его трудовъ для отечественной образованности и для извѣстнаго круга наукъ: сравнительнаго языкознанія, русской и славянской філологіи русскаго народовѣдѣнія, сравнительной исторіи литературъ, народной психологіи, сравнительной міеологіи. Глубокій и образованный ученый, отличный наблюдатель, строгій изслѣдователь, проф. Потебни не живетъ процентами съ чужого капитала, не производитъ своихъ наблюденій и изслѣдованій лишь въ подтвержденіе, или на основаніи

лишь постороннихъ соображеній и указаній, чужихъ, часто лишь занятыхъ, а не усвоенныхъ и не продуманныхъ идей. Проф. Потебня мыслить самостоятельно. Въ избранной имъ области мысли, въ развитіи и сцѣпленіи понятій онъ вращается такъ же свободно, онъ всегда такъ же дома, какъ въ наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ звуковъ, корней, реченій, народныхъ поэтическихъ образовъ и мотивовъ. Отличаясь замѣчательною силою анализа, онъ, какъ и истинные художники слова, вмѣстѣ съ тѣмъ, хранить въ себѣ не порванными нити безсознательнаго поэтическаго преданія и творчества языка, и какъ всѣ высокіе дарованій ученые, обладаетъ своего рода творчествомъ. Его воззрѣнія и мысли по занимающимъ его вопросамъ всегда отличаются свѣжестью и оригинальностью, а воспринятые имъ идеи и мысли другихъ дѣятелей всегда имъ усвоены, выношены и переработаны въ его сознаніи. Оттого онъ и является у него съ извѣстными ограниченіями или дополненіями, значительно измѣненными или развитыми далѣе. Въ своихъ изслѣдованіяхъ проф. Потебня, касаясь старыхъ не рѣшенныхъ вопросовъ, всегда подходитъ къ нимъ съ новыхъ точекъ зрѣнія и открываетъ новыя стороны дѣла; но, требуя постоянно возможно большей «внутренней принудительности доказательствъ», онъ не позволяетъ себѣ забыть «чего нельзя и что возможно» для окончательнаго заключенія при наличномъ запасѣ данныхъ и наблюденій.

Въ своихъ Запискахъ по грамматикѣ, какъ во второй, такъ особенно въ первой общей части проф. Потебня нерѣдко пополняетъ, ограничиваетъ, исправляетъ положенія и мысли о тѣхъ или другихъ вопросахъ по ученію объ языкѣ, высказанныя въ разное время В. Гумбольдтомъ, Боппомъ, Поттомъ, Я. Гриммомъ, Гейзе, Штейнталемъ, Курціусомъ. Шлейхеромъ и друг., и остроумно обличаетъ внутреннюю несоостоятельность разныхъ непродуманныхъ формулъ и положеній, встрѣчаемыхъ у нѣкоторыхъ иначе заслуженныхъ ученыхъ, богатыхъ эрудиціею, но болѣе или менѣе слабыхъ по части идей и самостоятельности мысли. Между тѣмъ такого рода непродуманныя формулы и положенія, въ видѣ общихъ мыслей и опредѣленій, попадаютъ всего чаще въ текущей учебной литературѣ, всего легче проникая въ обиходные курсы и учебники. Проф. Потебня нерѣдко останавливается, особенно во второй части своихъ Записокъ, на обличеніи несоостоятельности такихъ положеній и опредѣленій не ради охоты къ обличенію, а потому, что онъ мѣшаютъ вѣрному пониманію многихъ важныхъ явленій въ исторіи языка и потому, что обличая

односторонность того или другого взгляда или мнѣнія, онъ лучше успѣваетъ раскрыть правильность и вѣрность выставляемаго имъ воззрѣнія или положенія.

Обширная и глубокая эрудиція, масса фактовъ, извлеченныхъ изъ памятниковъ древней и старинной русской письменности, памятниковъ народной словесности русской и всѣхъ славянскихъ, а также литовско-лотышской, самостоятельность и оригинальность основныхъ мыслей и замѣчательный даръ проникновенія въ тончайшіе оттѣнки строя русскаго языка сразу завоевали труду проф. Потебни «Изъ записокъ по русской грамматикѣ», еще въ первомъ его изданіи 1874—1877 г., высокое мѣсто въ наукѣ, и русская и иностранная критика не могла тотчасъ же не признать его высокаго значенія, его выдающихся достоинствъ.

Наша Академія Наукъ, по почину Срезневскаго, поспѣшила присудить его автору полную Ломоносовскую премію. Въ своемъ отзывѣ относительно первой части труда профессора Потебни, Срезневскій, между прочимъ, выразился: «Такого цѣльнаго филологическаго разбора строя языка у насъ еще не было. Не было его даже, какъ выборки изъ разныхъ книгъ, дающей отвѣты на предвзятые вопросы; въ трудѣ же проф. Потебни имѣемъ не выборку изъ разныхъ книгъ, а переработку изслѣдованій и соображеній относительно строя языка, его образованія и преобразованія». О второй же части Срезневскій замѣтилъ: между прочимъ, «Стройное богатство подобранныхъ данныхъ, ихъ объясненій и сближеній, приводящихъ къ характеристикѣ древняго и новаго русскаго языка, и положительность выводовъ о ходѣ его измѣненій даютъ труду г. Потебни важное значеніе въ ряду другихъ новыхъ трудовъ по русскому языку. Не онъ началъ то, за что взялся: но онъ продолжалъ начатое другими съ такимъ успѣхомъ, что если теперь кто нибудь займется изученіемъ русскаго языка съ исторической точки зрѣнія, при помощи трудовъ, изданныхъ до Записокъ г. Потебни, и не возьметъ въ помощь себѣ этихъ Записокъ, то онъ во многихъ случаяхъ останется въ темнотѣ съ вопросами безъ отвѣтовъ или съ неясными отвѣтами безъ доказательствъ».

Вслѣдъ за отзывомъ Срезневскаго поспѣшилъ и проф. Ягичъ въ своемъ Arch. f. slaw. Phil. высказать свое мнѣніе о трудѣ проф. Потебни. Отмѣтивъ его крупныя достоинства, онъ прибавилъ, что онъ «даютъ этому труду почетное мѣсто въ небольшомъ и безъ того ряду изслѣдованій въ области историко-сравнительнаго синтаксиса».

Ученикъ проф. Миклошича, г. Ягичъ высказалъ прямо, что «въ славянской грамматической литературѣ трудъ г. Потебни стоитъ рядомъ съ синтаксисомъ Миклошича». Дабы понять настоящее значеніе этихъ словъ, прибавимъ, что по выходѣ синтаксиса Миклошича, Ягичъ въ томъ же Archiv'ѣ высказалъ свое удивленіе „къ этому по его словамъ величественному Thesaurus syntacticus“, къ этому обширному труду въ 896 станицъ съ небывалымъ дотолѣ богатствомъ примѣровъ изъ древнихъ, старыхъ и новыхъ славянскихъ языковъ (Arch. f. sl. Phil. 1876. В. I.).

Впрочемъ, проф. Ягичъ прибавилъ, что «ближайшее сравненіе этихъ двухъ трудовъ едва ли теперь желательно, такъ какъ изслѣдованія Потебни еще не доведены до конца» (Arch. f. slaw. Phil. 1876 В. II. Н. I. S. 166).

Стави два труда рядомъ, мы извѣстнымъ образомъ уже сравниваемъ ихъ и даже сравнили. Различіе труда проф. Потебни отъ этого труда Миклошича состоитъ не въ томъ только, что онъ не оконченъ, то-есть, что въ немъ, по мысли автора, не всѣ части синтаксиса обелѣдованы, а трудъ Миклошича, по мысли его автора, довершенъ. Если присоединить къ этимъ двумъ частямъ записокъ проф. Потебни по русской грамматикѣ недавно вышедшее новое его превосходное синтактическое изслѣдованіе «Значеніе множественнаго числа въ русскомъ языкѣ» 1889. 76 стр., то мы увидимъ, что по внѣшнему своему виду (547+76=623 стр.) трудъ Потебни составляетъ добрыя двѣ трети труда Миклошича. Такимъ образомъ, хотя трудъ г. Потебни и не оконченъ, но въ немъ синтактическія явленія русскаго языка во всемъ его объемѣ очевидно разсмотрѣны гораздо подробнѣе, чѣмъ это могъ сдѣлать Миклошичъ въ своемъ оконченномъ трудѣ, посвященномъ синтаксису десяти славянскихъ языковъ съ общелитературнымъ русскимъ и малорусскимъ включительно. Вполнѣ признавая крупныя достоинства синтаксиса Миклошича, впервые давшего заразъ такой обильный запасъ примѣровъ и данныхъ по синтаксису десяти славянскихъ языковъ, не можемъ не обратить вниманія на особенность системы или внѣшняго распорядка всѣхъ этихъ примѣровъ. Синтаксисъ Миклошича раздѣленъ на двѣ части. Первая подъ заглавіемъ: о значеніи частей рѣчи, вторая о значеніи формъ. Первая часть раздѣлена на семь главъ съ своими подраздѣленіями, а вторая только на двѣ главы съ болѣе многочисленными отдѣлами. Такимъ образомъ видно, какъ были извлечены изъ памятниковъ различные примѣры, и какъ

потомъ они были разложены по рубрикамъ: существительное, прилагательное, родъ, число, числительное имя, мѣстоименіе съ его обычными дѣленіями, нарѣчіе, союзъ, глаголь съ его отдѣлами. Во второй части идутъ падежи и формы спряженія. Передъ каждой рубрикой есть нѣсколько болѣе или менѣе краткихъ предварительныхъ замѣчаній и затѣмъ идутъ примѣры на данную часть рѣчи или форму въ началѣ изъ ц.-слав., а потомъ изъ другихъ славянскихъ языковъ.

Возможна и такая точка зрѣнія, по которой сантаксисъ Миклошича, не смотря на свое богатство примѣровъ, окажется далеко не конченнымъ и не полнымъ. Нѣкоторые отдѣлы, напримѣръ, о числѣ именъ, окажутся очень краткими (37—51), не будетъ замѣчено, что между всѣми этими рубриками только разъ попадаетея слово «предложеніе», именно за именительнымъ падежомъ идетъ небольшой отдѣлъ: *subjectlose Sätze* (346—369). Во избѣженіе путаницы («лабиринта») Миклошичъ, по собственнымъ его словамъ, предпочелъ размѣстить свои замѣчанія о разныхъ предложеніяхъ по рубрикамъ мѣстоименія, союза и пр. При такой системѣ или расположеніи сыраго матеріала очень трудно было автору раскрыть, а читателю видѣть отличительныя особенности и разнообразныя оттѣнки синтаксиса отдѣльных славянскихъ языковъ и почти нельзя прослѣдить историческое развитіе ихъ внутренняго строя. Въ трудѣ же проф. Потебни, благодаря его системѣ, мы имѣемъ передъ собою стройное изложеніе историческаго развитія внутренняго склада русскаго языка, при чемъ строго отличены и отмѣчены различныя оттѣнки повременныхъ измѣненій въ строѣ русской рѣчи съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго. Тутъ привлекаются къ сравненію сходныя или различныя явленія историческаго развитія строя другихъ языковъ славянскихъ, а также литовскаго и латышскаго, а иногда, по мѣрѣ надобности, и другихъ арійскихъ. Въ общемъ введеніи, то есть въ первой части и въ частныхъ главахъ второй части мы постоянно встрѣчаемся съ глубокими мыслями, тонкими наблюденіями и остроумными соображеніями, въ коихъ ярко выступаетъ высокое дарованіе нашего языковѣда. Въ своемъ отзывѣ о трудѣ проф. Потебни Срезневскій не считалъ возможнымъ умолчать о синтаксисѣ проф. Буслаява, въ его исторической грамматикѣ. Дѣйствительно, синтаксисъ составляетъ лучшую часть грамматики Буслаява. Онъ почти на 20-ть лѣтъ предварилъ синтаксисъ проф. Потебни. За Буслаявымъ навсегда останется великая заслуга, что онъ еще въ 1844 г. въ книгѣ «О преподаваніи отечественнаго языка» первый у насъ высказалъ въ своихъ синтакти-

ческих замѣткахъ (II ч.), что «научное преподаваніе отечественнаго синтаксиса можетъ быть только сравнительное и историческое», и тутъ же представилъ нѣсколько поясненій и примѣровъ изъ древняго, стариннаго и современнаго народнаго и литературнаго языка (стр. 141—163 и нѣсколько далѣе). Въ синтаксическомъ отдѣлѣ грамматики Буслая, наука получила въ первый разъ богатство примѣровъ изъ древней, старинной и современной народной рѣчи, вмѣстѣ съ примѣрами изъ Карамзина, Крылова, Пушкина, Грибоѣдова и пр. При этомъ Буслаямъ было высказано не мало частныхъ дѣльных замѣчаній, но справедливость не позволяетъ умолчать, что система Буслая, вообще вся теоретическая сторона его синтаксиса, по большой части, не самостоятельна и довольно слаба. Послѣ труда проф. Потебни еще въ первомъ изданіи (1874 г.) синтаксисъ Буслая является уже въ значительной степени трудомъ отсталымъ и устарѣлымъ, нельзя по истинѣ не пожалѣть, что педагоги наши доселѣ почти исключительно пробавляются книгою Буслая и очень мало (не говоримъ объ исключеніяхъ и о непосредственныхъ ученикахъ проф. Потебни) усвоили себѣ глубокіе взгляды и богатые новыми плодотворными выводами наблюденія Потебни. Разумно усвоенныя почтенною средою нашихъ педагоговъ, они должны повести не только къ лучшей постановкѣ преподаванія отечественнаго языка въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и къ перемѣнамъ въ методѣ и пріемахъ преподаванія древнихъ и новыхъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ. Укажу еще на другую, тоже не маловажную, практическую сторону синтаксическихъ и вообще филологическихъ трудовъ проф. Потебни. Изученіе ихъ приводитъ всякаго читателя къ убѣжденію въ пользѣ и важности извѣстной литературной обработки малорусскаго нарѣчія, даже для изученія нашего литературнаго языка. Ознакомившись съ изслѣдованіями Потебни, каждый образованный великоруссъ пойметъ, сколько свѣта проливаетъ знакомство съ малорусскимъ языкомъ на историческое развитіе нашего общелитературнаго языка, который мы, великоруссы, не безъ извѣстнаго преувеличенія, любимъ считать исключительно своимъ. Внимательный читатель замѣтитъ, сколько даетъ поученій и поясненій знаніе живой малорусской рѣчи для разумнаго пониманія даже живой рѣчи великорусской и ея говоровъ. Всѣ же говоры великорусскіе, бѣлорусскіе и малорусскіе, какъ живые ключи, направленные исторіею въ водоемъ общерусской рѣчи, несутъ въ нее свои мѣстные дары, питаютъ и обогащаютъ ее и какъ предметъ нашего

изученія и какъ литературный нашъ языкъ, то есть, какъ орудіе нашей образованности, какъ общее знамя нашего національнаго единства.

Научное значеніе синтактического труда проф. Потебни выяснится еще лучше, если, припомнивъ его отношеніе къ однороднымъ трудомъ Буслаева и Миклошича, мы прибавимъ, что по оригинальности воззрѣній, по глубинѣ анализа, по широтѣ и силѣ учености, трудъ А. А. Потебни далеко оставляетъ за собою весьма почтенные труды Даничича, Вальявца, Гатталы, Зигмунда Малецкаго и др. по синтаксису отдѣльныхъ западныхъ славянскихъ языковъ, южныхъ и сѣверныхъ. Можно сказать, что Записки по русской грамматикѣ проф. Потебни занимаютъ въ настоящее время такое же мѣсто въ славянской филологіи по отдѣлу синтаксиса, какое въ свое время занимали въ ней историко-фонетическія и морфологическія изслѣдованія Добровскаго о чешскомъ языкѣ (введеніе въ исторію чешской литературы и чешская грамматика), послужившія впослѣдствіи образцомъ для грамматическихъ трудовъ по другимъ славянскимъ языкамъ.

Много важнаго для славянской филологіи и для сравнительнаго языкознанія вообще представляютъ и другіе филологическіе труды проф. Потебни. Такъ, его изслѣдованія подъ скромными заглавіями «О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій», «Замѣтки о малорусскомъ нарѣчій» и замѣчательный разборъ сочиненія Житецкаго, «Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія» (Спб. 1871) внесли въ науку рядъ важныхъ филологическихъ наблюденій историко-географическаго характера и понынѣ составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ трудовъ по русской діалектологіи.

Въ четырехъ выпускахъ изслѣдованій «Къ исторіи звуковъ русскаго языка». Воронежъ 1876. Варшава 1880, 1881, 1883, содержится нѣсколько высоко замѣчательныхъ изслѣдованій о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ явленіяхъ русской общеславянской филологіи: о носовыхъ звукахъ въ древнемъ славянскомъ языкѣ, о первомъ полногласіи русскаго языка, о такъ названномъ Потебнею второмъ полногласіи—это явленіе впервые имъ отмѣчено, и терминъ, имъ данный, вошелъ уже въ науку,—о начальныхъ сочетаніяхъ: лы, ры, лу, ру=основнымъ + ал+ар—рядъ примѣровъ или словъ съ начальными лы, ры, лу, ру, приводимыя въ ограниченіе выставленнаго Миклошичемъ положенія, что начальное + ар + ал всегда=слав. ра, ро, ла, ло (раз.роз, ладья, лодья), о нѣкоторыхъ случаяхъ вліянія небности на согласные звуки,

наконецъ, довольно большое изслѣдованіе «Этимологическія различія коренныхъ гласныхъ въ глаголахъ». Во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ перебираются и разсматриваются, часто съ совершенно новой точки зрѣнія, весьма тонкіе и трудно поддающіеся окончательному разрѣшенію вопросы первостепенной важности для классификаціи славянскихъ нарѣчій и для уясненія ихъ постепеннаго выдѣленія изъ общаго славянскаго пра-языка, для славянской и вообще сравнительной грамматики арійскихъ языковъ, наконецъ, для такого же этимологическаго словаря. Многія изъ высказанныхъ здѣсь проф. Потебнею соображеній достигаютъ полной доказательности, а нѣкоторыя наблюденія, еще такъ сказать не завершennыя, важны тѣмъ, что раскрываютъ новые пути къ дальнѣйшимъ розысканіямъ. Всѣ эти лингвистическія изслѣдованія проф. Потебни имѣютъ важное значеніе не для одной славистики и выдаютъ въ авторѣ такого же первостепеннаго мастера, какимъ онъ оказалъ себя въ своихъ Запискахъ по русской грамматикѣ.

Отчасти въ указанныхъ же статьяхъ и особенно въ другихъ главахъ изслѣдованія «Къ исторіи звуковъ русскаго языка», подъ заглавіемъ «Этимологическія замѣтки», заключаются важныя и часто весьма удачныя разьясненія происхожденія длиннаго ряда словъ велико- и малорусскихъ, польскихъ, прочихъ славянскихъ и литовско-лотышскихъ, объяснены разныя иностранныя слова, вошедшія въ малорусскій языкъ изъ нѣмецкаго, валашскаго и проч. Наконецъ, тутъ же мы встрѣчаемъ многосодержательную статью (48 стр.) подъ заглавіемъ село, деревня и проч.,—это цѣлая прекрасная глава изъ исторіи русскаго языка и быта.

Какъ во многихъ мѣстахъ сантаксиса, такъ и въ этихъ послѣднихъ трудахъ проф. Потебни, при объясненіяхъ отдѣльныхъ народныхъ реченій и оборотовъ малорусскихъ, великорусскихъ, прочихъ славянскихъ и литовско-лотышскихъ, сильно даетъ себя чувствовать еще другая сторона громадныхъ знаній и высокаго дарованія нашего автора. Разумѣемъ его глубокое изученіе народной поэзіи славянской и литовско-лотышской и его необычную зрячесть и чуткость ко всѣмъ ея особенностямъ, отбѣнкамъ и переливамъ. Эти качества автора стали раскрываться еще въ первыхъ его работахъ, посвященныхъ вопросамъ по народной поэзіи, мифологіи. Таковы его разсужденія: «О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи». Харьковъ. 1860, «О мифическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій». Москва. 1865, «О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ». Москва. 1865.

Эти стороны познаній и дарованій проф. Потебни нашли себѣ блестящее выраженіе въ двухъ его небольшихъ, но важныхъ трудахъ: Малороссійская народная пѣсня по списку XVI вѣка. Воронежъ. 1873, и Слово о Полку Игоревѣ. Воронежъ. 1878, 150 стр. Уже въ первомъ изъ этихъ трудовъ проф. Потебня касался нѣкоторыхъ мѣстъ Слова. Во второмъ онъ представилъ его тексты «по мѣрѣ разумѣнія» или приготовилъ новое изданіе этого драгоценнаго памятника нашей древней словесности. Болѣе крупныя поправки онъ обозначилъ косымъ шрифтомъ, а въ скобкахъ поставилъ чтеніе изданія 1800 г. Тексты раздѣлены на небольшія главы; за каждою изъ нихъ слѣдуетъ комментарий. Въ обширной литературѣ о нашемъ драгоценномъ памятникѣ, — отъ начала столѣтія до настоящаго года, она составляетъ цѣлую бібліотеку, — нѣтъ сомнѣній, толкованій и объясненій проф. Потебни занимаютъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ и принадлежать къ наилучшимъ и наизамѣчательнѣйшимъ разъясненіямъ этого перла нашей словесности. Здѣсь ярко выступаетъ даровитость проф. Потебни, его удивительная памятливость, что касается народной поэзіи русской и всѣхъ другихъ славянскихъ народовъ, его рѣдкая сила анализа рядомъ со свойственною обыкновенно развѣ великимъ художникамъ, и весьма рѣдкою у ученыхъ, живостью и цѣльностью разумѣнія поэтическихъ сокровищъ народного духа. Здѣсь находите не мало очень дѣльныхъ и мѣткихъ замѣчаній на разныя прежнія объясненія Слова, напримѣръ, Буслаева, Тихонравова, В. Миллера, Веселовскаго, Огоновскаго и другихъ болѣе раннихъ толкователей, а также и на переводы Вельмана, Малашева, А. Майкова....

Въ написанномъ для Академіи Наукъ, замѣчательномъ разборѣ сборника Головацкаго (Пѣсни Галицкой и Угорской Руси) проф. Потебня высказалъ нѣсколько важныхъ соображеній о пѣсенномъ напѣвѣ и размѣрѣ, какъ главномъ руководящемъ началѣ для классификаціи народныхъ пѣсенъ, о необходимыхъ пріемахъ и наилучшемъ, по его мнѣнію, методѣ изученія народной поэзіи.

Эти важныя мысли полнѣе имъ были развиты и примѣнены въ новомъ обширномъ трудѣ въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ: «Объясненія малорусскихъ и еродныхъ народныхъ пѣсенъ. I ч. Варшава. 1883. 268+VIII+III стр. въ 8-ку и II ч. Обзоръ поэтическихъ мотивовъ, колядокъ и щедровокъ». Варшава. 1887. 801 стр. въ 8-ку.

Въ первой части заслуживаютъ особаго вниманія статьи: «Лелю-полелю, диди-ладо» — гдѣ показано, что ни въ Лелѣ-полелѣ, ни въ

Диди-ладо, нельзя находить ничего мистическаго, замѣчательное разъясненіе образовъ веснянокъ (перба надъ водою и ремезъ). Что касается второй части, то она не ограничивается замѣтками и наблюденіями относительно лишь однѣхъ колядокъ и щедровокъ, а представляетъ много цѣнныхъ сличеній и соображеній о пѣняхъ свадебныхъ, весеннихъ и лѣтнихъ, царинныхъ, лазарскихъ, кралицкихъ, купальскихъ, зажиночныхъ и дожиночныхъ, подблюдныхъ, наконецъ, разныхъ великорусскихъ былинъ, сербскихъ и болгарскихъ юнацкихъ пѣсень.

Вообще этотъ обширный и капитальный трудъ въ тысячу слишкомъ страницъ заключаетъ въ себѣ обильный запасъ новыхъ наблюденій и важныхъ соображеній, и потому надолго останется необходимою настольною книгою для всѣхъ занимающихся изученіемъ народной поэзіи, ея формъ и содержанія, религіозныхъ и бытовыхъ древностей, этнографіею русскою, общеславянскою и литовско-лотышскою.

Въ 1890 г. исполнилось 30 лѣтъ учено-литературной дѣятельности А. А. Потебни. Приеуждая ему высшую награду за новѣйшія его изслѣдованія, Императорское Русское Географическое Общество достойно почтило многолѣтніе труды и крупныя заслуги наукъ этого глубоко-свѣдущаго и высоко-даровитаго изслѣдователя, одного изъ первоклассныхъ ученыхъ нашего отечества.

Харьковъ, вообще Украина наша всегда можетъ указывать съ гордостью на Потебню, какъ на одинъ изъ своихъ драгоцѣнныхъ даровъ нашей общей русской образованности. Миръ его праху и глубокая признательная память потомства за его прекрасные труды, одинъ изъ лучшихъ подвиговъ русской мысли въ области человѣческаго знанія.

Изъ статьи А. С. Будиловича въ (1 кн. Славянск. Обзорнія
1892 г.)

Предоставляя дальнѣйшимъ монографіямъ о Потебнѣ полную оцѣнку его заслугъ для русекославянской науки, мы ограничимся лишь общимъ балансомъ оставленнаго имъ литературнаго наслѣдія, съ выдѣленіемъ тѣхъ руководящихъ идей, которыя имъ завѣщаны по русекославянскому языковѣднію и по словесности.

Какъ ни разнообразны труды Потебни по русекославянской діалектологіи, грамматикѣ, мнѳологіи и словесности, однако веѣ они представляютъ нѣчто общее и цѣльное какъ со сторооы методовъ изслѣдованія, такъ и по извѣстному единству тона, по присутствію одной, постепенно выясняемой идеи и научной системы.

Особенность научнаго метода Потебни заключается въ его рѣдкой цѣльности, при всей сложности входящихъ элементовъ. Другіе языковѣды пользовались обыкновенно или однимъ сравнительнымъ, или только историческимъ, или философскимъ методомъ. Потебня соединилъ ихъ въ одное цѣлое, такъ что его методъ можно бы назвать сравнительно-историко-философскимъ. Въ этомъ отношеніи Потебня всего болѣе напоминалъ Якова Гримма, котораго вдумчивый, пытливый умъ также не могъ удержаться въ рамкахъ какого либо односторонняго метода, а съ удивительной смѣлостью и энергіей прошелъ во веѣхъ направленіяхъ поле германской филологіи. Гримма напоминаетъ Потебня и по любви къ строго-фактической постановкѣ изслѣдуемаго вопроса, причѣмъ однако оба они не теряются въ массѣ изученнаго матеріала, но господствуютъ надъ нимъ мыслию, руководясь научнымъ методомъ и вышнимъ взглядомъ на взаимодѣйствіе матеріи и духа въ явленіяхъ языка.

Истинно-философская струя проникаетъ веѣ сочиненія Потебни, начиная съ самыхъ раннихъ его опытовъ по мнѳологіи и діалектологіи. Но въ этихъ раннихъ сочиненіяхъ его нельзя замѣтить еще того равновѣсія между фактическимъ матеріаломъ и внутреннею его основою, какого онъ достигъ впослѣдствіи особенно въ „Запискахъ по

русской грамматикѣ“ (1874—1889 г.) и въ Объясненіяхъ малорусскихъ и еродныхъ народныхъ пѣсенъ“ (В. 1883—87).

При поверхностномъ ознакомленіи съ этими капитальнѣйшими сочиненіями Потебни, изъ коихъ одно посвящено столь спеціальному повидимому вопросу, какъ „составное сказуемое“, а другое—дробному комментарию къ малорусскимъ обрядовымъ пѣснямъ, можно бы подумать, что сочиненія эти не выходятъ за рамки частныхъ монографій. Но если ближе изучить эти труды въ связи съ другими однородными и вдуматься въ ихъ руководящія начала и ихъ взаимную связь, то намъ представится здѣсь нѣчто очень грандіозное: опытъ перестройки заново важнѣйшихъ отдѣловъ языковѣдѣнія и словесности путемъ примѣненія новыхъ методовъ, по новой системѣ и въ духѣ новыхъ началъ.

Въ самомъ дѣлѣ, значеніе книги Потебни „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ состоитъ не въ томъ только, что онъ пролилъ новый свѣтъ на строеніе и смыслъ одной изъ формъ сказуемаго, а въ томъ, что примѣненіемъ особаго сравнительно-историческаго и психологическаго метода Потебня доказалъ возможность и даже необходимость новой системы синтаксиса, притомъ не русскаго лишь, но и любого другого языка. Особенность этой системы заключается въ томъ, что она выводится изъ языка, а не навязывается ему по готовымъ формуламъ логики или какой либо другой науки. Правда, нѣкоторые указанія на необходимость такой перестройки синтаксиса были уже ранѣе сдѣланы однимъ изъ учениковъ Вильгельма Гумбольда, Штейнталемъ; но указанія эти имѣли чисто абстрактный, философскій характеръ. Притомъ, предложивъ перестроить синтаксисъ по даннымъ психологіи, а не логики, Штейнталь не пришелъ еще къ выводу, что народная психологія въ этомъ случаѣ выражается въ его формахъ, слѣдовательно въ концѣ концовъ сводится къ этимологіи. Вотъ этотъ-то выводъ и сдѣланъ Потебнею, но не на словахъ лишь, а на дѣлѣ, путемъ примѣненія новаго, этимологическаго принципа къ изслѣдованію формъ сказуемаго. Это сближеніе синтаксиса съ этимологіей, т. е. науки о функціяхъ словъ и словесныхъ группъ съ наукою о строеніи такихъ словъ и группъ, оказалось особенно благотворнымъ еще потому, что Потебня прослѣдилъ взаимныя отношенія этихъ отдѣловъ грамматикѣ не въ одинъ лишь моментъ времени, а на протяженіи многихъ вѣковъ исторической жизни русскаго языка, сравнительно съ языками лѣтекимъ, германекимъ, классическими и другими арійскими. Выводы,

которых достигъ этимъ путемъ нашъ филологъ, были столь же замѣчательны, какъ и неожиданны. Оказалось, что и синтаксическія категоріи языка, которыя прежде считались столь же неизмѣнными, какъ законы логики, на дѣлѣ измѣняются и притомъ одновременно съ измѣненіемъ этимологическихъ формъ и во взаимодействіи съ послѣдними. Это открытіе, не только угаданное, но и доказанное Потебнею, имѣетъ въ языковѣдѣніи такую же важность, какъ ученіе Дарвина объ измѣняемости видовъ въ наукахъ біологическихъ.

Но Потебня не ограничился однимъ признаніемъ этого закона. Онъ успѣлъ показать на нѣкоторыхъ явленіяхъ языка направленіе внутреннихъ его измѣненій, ихъ быстроту, условія и взаимодействие съ измѣненіями морфологическими. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ успѣлъ уловить и тѣ психическія ассоціаціи, которыя опредѣлили движеніе языка въ области функціональной, притомъ съ гораздо болѣею логичностью, чѣмъ напр. Миклошичъ въ соотвѣтственныхъ отдѣлахъ своего синтаксиса.

Дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ же взглядовъ является и статья его: „О значеніяхъ множественнаго числа въ русскомъ языкѣ“.

Конца „Записокъ по грамматикѣ“ мы не имѣемъ, но изъ частнаго письма одного изъ учениковъ Потебни, именно харьковскаго приватъ-доцента Халанскаго, узнаемъ, что при разборѣ его рукописей оказался между прочимъ III-й томъ означеннаго сочиненія. Содержаніе этого тома богато и чрезвычайно интересно. Вотъ нѣкоторыя заглавія: „о происхожденіи существительныхъ; о происхожденіи прилагательныхъ; объ употребленіи прилагательнаго вмѣсто существительнаго; объ употребленіи существительнаго вмѣсто сказуемаго; объ устраненіи подлежащаго“. Трудъ этотъ занималъ все послѣднее время жизни покойнаго и готовъ къ печати, хотя и требуетъ, по словамъ г. Халанскаго, провѣрки по матеріаламъ: Будемъ надѣяться, что харьковскіе ученики и почитатели Потебни издадутъ его въ свѣтъ.

Что касается основныхъ положеній этого III-го тома грамматики Потебни, то они нѣсколько выявляются нижеслѣдующимъ отрывкомъ изъ его автобіографическаго очерка, напечатаннаго въ III томѣ „Исторіи русской этнографіи“ г. Пыпина: «На очереди у меня грамматическая работа, связанная съ этимъ курсомъ, носящая два заглавія: для публики «Объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительныхъ»; для меня: „Объ устраненіи въ мышленіи субстанцій, ставшихъ мнимыми“, или „О борьбѣ миѣческаго мышленія съ относительно-научнымъ

въ области грамматическихъ категорій (по даннымъ преимущественно русскаго языка)“. Тутъ въ основаніи лежитъ мысль, впрочемъ не новал, что философскія обобщенія такихъ-то по имени ученыхъ основаны на философской работѣ безъименныхъ мыслителей, совершающейся въ языкѣ, что напр. математика, оперирующая съ отвлеченнымъ числомъ, отвлеченною величиною, возможна лишь тогда, когда языкъ перестанетъ ежеминутно навязывать мысль о субстанціональной вещественности числа, а въ противномъ случаѣ величайшій математикъ и философъ, какъ Пифагоръ, долженъ будетъ оставаться на этой субстанціональности“.

Въ сентябрѣ 1890 года мы имѣли случай лично изъ устъ Потебни слышать развитіе основныхъ положеній этого III тома его грамматики. Онъ предполагалъ доказать, что въ развитіи язычныхъ формъ и значеній, которое совершается по діагонали между именными и глагольными полюсами аrio-европейскихъ языковъ, торжество съ теченіемъ времени все болѣе склоняется къ послѣднимъ. Этотъ выводъ былъ бы конечно встрѣченъ сомнѣніемъ, если-бы не имѣть въ виду, что говоря объ усиленіи глагольности (verbalitas) въ аріійскихъ, въ частности же въ славянскихъ языкахъ, Потебня имѣлъ въ виду не столько формы словъ, сколько ихъ идеи и значеніе. Въ этой побѣдѣ глагольности надъ номинальностью или дѣйствія надъ сущностью Потебня видѣлъ нѣчто аналогичное постепенному торжеству драмы надъ эпосомъ или лирикою, какъ болѣе первобытными формами словесности, а вмѣстѣ и признакъ господства духа надъ матеріей въ жизни языка.

Не менѣе глубокое значеніе и научную важность представляютъ и изслѣдованія Потебни по словесности, особенно же его разборъ Сборника червонорусскихъ пѣсенъ Головацкаго и составляющіи какъ бы продолженіе этого разбора „Объяненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ“.

Разматривая форму и содержаніе народныхъ пѣсенъ какъ органически связанные члены одного и того же физико-психическаго цѣлаго, предполагая между ними столь же тѣсную связь и взаимодействие, какъ между формою и содержаніемъ слова въ языкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ убѣжденіи, что форма языка и пѣсни доступны наблюдению, чѣмъ ихъ содержаніе,—Потебня примѣнилъ къ изученію народной словесности тотъ же эмпирическій методъ, который далъ столь блестящіе результаты въ языковѣдннн. Стихотворный напр. размѣръ подъ перомъ Потебни сталъ чрезвычайно важнымъ рычагомъ для опредѣленія

генезиса соотвѣтственныхъ произведеній, ихъ относительнаго возраста, фазъ развитія, отношенія къ народной психологій и къ исторіи. Съ такимъ же успѣхомъ пользовался онъ и другими внѣшними особенностями народныхъ пѣсенъ, напр. ихъ поэтической фразеологіей, различными тропами, условіями стилия, чтобы по внѣшнимъ схемамъ добираться до поэтическаго зерна пѣсни и опредѣлять условія ея развитія.

Въ послѣдніе годы своей жизни Потебня приблизился къ своду своихъ языковѣдныхъ и словесныхъ взглядовъ въ особомъ курсѣ «Теоріи словесности», который онъ читалъ студентамъ послѣднихъ выпусковъ. Въ этомъ именно курсѣ онъ предполагалъ доказать положеніе, которое считаетъ въ своей автобіографической запискѣ основнымъ вопросомъ языкознанія. Это положеніе выражено словами: «Поэзія и проза (поэтическое и научное мышленіе) суть явленія языка». Намъ приходилось лично слышать отвѣты студентовъ и разьясненія профессора по предметамъ этого курса, посвященнаго главнымъ образомъ ученію о тропахъ, въ которыхъ Потебня видѣлъ съ одной стороны зерна грамматической функціологій (наука о значеніи), съ другой же—элементы мифологій и поэзій, между которыми онъ предполагалъ органическую связь. Тѣмъ прискорбнѣе было намъ узнать отъ г. Халанскаго, что этотъ курсъ теоріи словесности не сохранился въ полномъ видѣ. Есть нѣсколько выписокъ, замѣтокъ, но все это не приведено въ порядокъ...

Въ чемъ же заключается вышнее обобщеніе, вытекающее изъ совокупности работъ Потебни? Таковымъ слѣдуетъ, кажется, признать его положеніе объ органическомъ единствѣ матеріи и формы слова, а равно формы и содержанія пѣсенъ, которое должно быть руководящимъ принципомъ при изслѣдованіи законовъ развитія какъ языка, такъ и народной словесности. Если же единство это въ ходѣ развитія языка и словесности современемъ нарушается, то въ смыслѣ господства силы надъ веществомъ, духа надъ матеріей.

Но быть можетъ самъ авторъ иначе опредѣлилъ бы руководящую идею и главный выводъ своихъ изслѣдованій. Ему не удалось, къ сожалѣнію, сказать послѣдняго своего слова, вывести своды надъ высокимъ научнымъ сооруженіемъ. Но и въ настоящемъ видѣ заслуги его для науки понетинѣ громадны. Ихъ можно сравнить съ заслугами Якова Гримма въ германистикѣ. Вліяніе Потебни еще долго и даже все сильнѣе будетъ сказываться въ развитіи науки о русскомъ словѣ и словесности.

Да позволено будетъ къ этому прибавить отзывъ о Потебнѣ, какъ фолклористѣ, извѣстнаго словинскаго ученаго, профессора Крека въ Градцѣ, изъ частнаго письма его: «Потебню я почиталъ высоко, удивляясь въ его сочиненіяхъ огромной учености, многосторонности и основательности. Его изслѣдованія по народной словесности я считаю самымъ лучшимъ изъ того, что когда-либо и гдѣ-либо было писано по этой спеціальности».

**Статья И. В. Ягича въ Archiv für slavische Philologie, B. XIV,
3 h., s. 480.**

Professor der russischen Sprache und Literatur an der Universität zu Charkov ist der slavischen Philologie durch den am 29 November a. St. v. J. erfolgten Tod im 58 Lebensjahre entrissen worden. Prof. Potebnja gilt uns als der Begründer einer wissenschaftlichen Dialektologie in Russland; seine tiefsinnigen syntaktischen Forschungen, die sich über alle slavischen Sprachen erstreckten, ohne leider zu Ende geführt worden zu sein, überragen an Fülle und Feinheit der Beobachtungen alles, was die slavische Sprachwissenschaft auf diesem Gebiete aufzuweisen hat. Sowohl dieses Werk als auch die umfangreichen, dem slavischen Volksthum gewidmeten Studien, an denen der Verstorbene seit seiner Jugend mit Liebe, Begeisterung und feinem Verständniss hing, sichern seinem Namen ein bleibendes Andenken in der dankbaren Nachwelt. Unsere Zeitschrift beklagt zugleich den Verlust eines Mitarbeiters und treuen Freundes.

Переводъ — 29 Ноября минувшаго года смерть отняла у славянской филологин Александра Афанасьевича Потебню, профессора русскаго языка и литературы въ Харьковскомъ университетѣ, на 58-мъ году его жизни. Проф. Потебня намъ извѣстенъ какъ основатель научной діалектологин въ Россіи; его глубокомысленныя синтактическія изслѣдованія, которыя простирались на всѣ славянскіе языки, не будучи къ сожалѣнію доведены до конца, превосходятъ полнотою и тонкостью наблюденій все, что можетъ указать въ этой области славянское языкознаніе. Какъ этотъ трудъ, такъ и обширныя изслѣдованія, посвященныя славянскому племени, къ которымъ покойный былъ привязанъ отъ юности съ любовью, воодушевленіемъ и тонкимъ пониманіемъ, обезпечиваютъ его имени неизмѣнную память въ благодарномъ потомствѣ. Нашъ журналъ оплакиваетъ также потерю сотрудника и вѣрнаго друга.

Замѣтка о сочиненіи А. А. Потебни „Мысль и языкъ“.*)

Сочиненіе „Мысль и языкъ“, обнародованное лѣтъ тридцать тому назадъ въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, за 1862 г., въ настоящее время сдѣлалось большою библиографическою рѣдкостью и даже совсѣмъ почти позабыто. Между тѣмъ оно имѣетъ важное значеніе, которое съ теченіемъ времени будетъ только возрастать, такъ какъ трудамъ покойнаго Александра Афанасьевича Потебни по изученію русскаго слова принадлежитъ еще будущность.—Въ этомъ своемъ сочиненіи Ал. А—чъ, излагая взгляды Гумбольдта и его школы на отношеніе языкознанія къ психологіи и логикѣ, выставилъ рядъ своихъ собственныхъ выводовъ, какъ по этимъ общимъ такъ и по многимъ приводящимъ сюда частнымъ вопросамъ, выводовъ, ставящихъ задачи русскаго и вообще славянскаго языкознанія на широкую основу исторіи мысли. Развитые здѣсь взгляды покойный авторъ проводилъ во всѣхъ послѣдующихъ своихъ трудахъ, находящихся вслѣдствіе этого въ столь тѣсной связи съ его сочиненіемъ „Мысль и языкъ“, что читателю, незнакомому съ послѣднимъ, многое въ нихъ будетъ представляться не яснымъ, недосказаннымъ. Это особенно можетъ относиться къ запискамъ Ал. А—ча по русской грамматикѣ. Здѣсь, рассыпая поражающіе мѣткостью и новизною выводы при анализѣ отдѣльныхъ явленій, онъ мало заботится объ общей связи между частными своими обобщеніями, полагая, повидимому, что читатели и сами сѣмѣютъ найти ее при помощи сочиненія „Мысль и языкъ“, представляющаго стройное и полное изложеніе почти всѣхъ основныхъ взглядовъ покойнаго на отношеніе слова къ мысли. Этихъ своихъ взглядовъ Ал. А—чъ твердо держался до конца жизни, о чемъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ оконченный незадолго до его смерти III-й томъ „Записокъ по русской грамматикѣ“, приготавливаемый нынѣ его наслѣдниками къ печати. Въ этомъ послѣднемъ и посмертномъ своемъ трудѣ Ал. А—чъ, разбирая мимоходомъ

*) Изъ записки проф. М. Дринова, читанной въ засѣданіи историко-филологическаго факультета при обсужденіи вопроса о цензурномъ разрѣшеніи на переизданіе этого сочиненія.

нѣкоторыя воззрѣнія, изложенныя въ новѣйшей книгѣ Макса Мюллера — *Das Denken im Lichte der Sprache* (1887 г.), противопоставляетъ имъ свои давнишніе взгляды на отношеніе элементовъ слова къ понятіямъ и представленіямъ, и вообще грамматики къ философіи. Коснувшись сочиненія Макса Мюллера, появившагося на дняхъ и въ русскомъ переводѣ подѣ заглавіемъ „Наука о мысли“, кстати замѣчу, что нѣкоторыя изъ весьма важныхъ научныхъ положеній, выработка которыхъ тутъ приписывается новѣйшимъ западноевропейскимъ ученымъ (Нуаре), давно развиты А. А. Потебнею въ его ранней работѣ, аналогичной по содержанию съ новою книгою англійскаго языковѣда.

Въ виду вышесказаннаго нельзя не отнести съ полнѣйшимъ сочувствіемъ къ рѣшенію Маріи Францовны Потебни переиздать этотъ столь рѣдкій теперь трудъ покойнаго ея мужа.

М. Дринковъ.

Изъ статьи Л. Ю. Шепелевича въ Wisła 1892 г. № 1.

Będąc trzy lata słuchaczem zmarłego profesora, doznawałem na każdej lekcji wrażenia, jak gdybym pierwszy raz go słuchała. Były to świetne improwizacje, powiązane w szereg świeżych myśli i głębokich spostrzeżeń, wykłady prawdziwego filologa i filozofa. Nigdzie ani w kraju, ani za granicą takiego wykładu nie słyszałem. Pod względem charakteru Potebnia wzbudził szacunek powszechny. Był to człowiek nadzwyczaj prawy, zacny, o szerokim widnokręgu. Przekonania jego naukowe pozostawały w harmonii z osobistymi: stawał gorąco w obronie praw jednostek etnograficznych; charakterystyczny był wstręt jego do wszelkich wolapiuków... Dla tych, którzy znali osobiście Potebnię, pozostanie on zawsze w pamięci, jako uosobienie wyższości inteligencji, serca i charakteru. Cześć jego pamięci!

Переводъ.—Будучи въ теченіе трехъ лѣтъ слушателемъ покойнаго профессора, я съ каждой его лекціи выносилъ такое впечатлѣніе, точно въ первый разъ его слышалъ. То были лекціи, полныя свѣжихъ мыслей и глубокихъ взглядовъ, лекціи истиннаго филолога и философа. Какъ человекъ, Потенія пользовался всеобщимъ уваженіемъ, за благородство души, любовь къ истинѣ и широкое міросозерцаніе. Его научныя убѣжденія стояли въ гармоніи съ его личнымъ характеромъ: онъ былъ горячій поборникъ этнографическаго индивидуализма и питалъ отвращеніе ко всякаго рода воляпюкамъ. Для знавшихъ Потенію лично онъ навсегда останется въ памяти, какъ олицетвореніе высшихъ стремленій къ истинѣ и добру.

**Изъ статьи Л. Ю. Шепелевича въ 5301 № „Новороссійскаго
Телеграфа“.**

Своими трудами Потебня способствовалъ изученію и познанію роднаго языка. Огромная эрудиція, глубокій умъ и свѣтлый взглядъ дѣлали каждое слово А. А. необыкновенно вѣскимъ.

Въ наукѣ онъ стоитъ уединенно; неимѣя предшественниковъ, онъ не создалъ и школы въ точномъ смыслѣ слова: онъ былъ слишкомъ индивидуаленъ въ своей дѣятельности.

Александръ Аонасьевичъ обладалъ познаніями въ различныхъ областяхъ науки. Необыкновенно тонкій цѣнитель искусства, изящной литературы—онъ изумлялъ своихъ собесѣдниковъ остроуміемъ своихъ наблюдений.

Какъ университетскій преподаватель, А. А. неимѣлъ себѣ равнаго. Его лекція была импровизаціей. Слово у него имѣло, такъ сказать, душу.

Равнаго А. А. по благородству, гуманности, стойкости убѣжденій врядъ ли мы когда-нибудь увидимъ. Это былъ человѣкъ, посившій въ своей груди вѣчное стремленіе къ добру и истинѣ, живой примѣръ того, что можно пройти жизненный путь и не потерять вѣры въ идеаль.

Въ университетской коллегіи Потебня пользовался громаднымъ авторитетомъ. Къ его мнѣніямъ прислушивались и ими руководились

Изъ некролога Потебни въ 2 № „Зори“ 1892 г.

Не заросла, мабуть, травцею могила Василя Мовы, не прыпала ще снігомъ могила Зиньківського—Певного, а вже нова втрата, нова могила. А насыпали тую могилу надъ дуже талановитимъ и вченимъ філологомъ, що 30 років невпинно працювавъ на користь и славу славянщини, надъ профессоромъ Харківського университету Олександромъ Потебнею.....

1 грудня о 8 год. зранку вынесли домовину зъ небищикомъ до церкви университетскої. Церковь була повнисенька. Небищикъ лежавъ въ домовини поважний та спокійний. На вику домовини лежало 6 виноківъ, міжъ которыми було три срібныхъ; коженъ винокъ бувъ зъ написомъ. Міжъ звичайными лежавъ одинъ оригінальний винокъ, сплетений зъ стиглого жовтого колоса, міжъ якими були ростыкани квитки—блакитні нестерельники и білий ромепъ. На білий бынди черными фарбами було надруковано: „Видъ українцівъ слухачівъ О. О. Потебни 1891 г. листопада 29“. Мимо воли винокъ нагадувавъ ниву, на якій сіявъ небищикъ. Насиння його рівно и дотенно сыпалося зъ працёвнотой руки.

**Изъ Некролога Потебни въ Revue des traditions populaires
1892 I 59—60.**

En la personne de M. Potebnia l'Université de Kharkow a perdu non seulement un savant éminent, mais encore un professeur très doué, qui a su créer une pépinière d'élèves..... M. Potebnia était toujours le partisan dévoué de la liberté académique et des droits universitaires....

Краткіе некрологи были въ Новомъ Времени, Моск. Вѣдом., Рус. Вѣдом., Южн. Краѣ, Зорѣ (львовской), Недѣлѣ, Филол. Запискахъ, Этнограф. Обозрѣніи, Волин. Губ. Вѣд., Варшав. Дневникѣ.

Въ происходившемъ 9 февраля засѣданіи кіевского историческаго общества Нестора Лѣтописца П. В. Владиміровымъ сдѣлано обширное сообщеніе о дѣятельности профессора А. А. Потебни. Лекторъ въ своемъ сообщеніи перечислилъ всѣ крупныя заслуги А. А. Потебни и въ особенно теплыхъ словахъ характеризовалъ вліяніе А. А. Потебни, какъ профессора и ученаго, научныя труды котораго надолго будутъ служить руководящей нитью для русской филологіи (Х. Вѣд. 1892 г. № 43).

Посмертные материалы А. А. Потебни.

(Статья В. И. Харциева).

Бумаги А. А. Потебни еще неразобраны, какъ слѣдуетъ, хотя въ печати сдѣлано было уже нѣсколько сообщеній о посмертныхъ его трудахъ. Въ виду того высокаго интереса, какой имѣютъ эти послѣдніе для читающей и мыслящей публики, я, принимая участіе вмѣстѣ съ другими бывшими слушателями А. А. въ перепискѣ III-го тома Записокъ по грамматикѣ, рѣшился вскользь пересмотрѣть и остальной рукописный матеріалъ, оставшійся послѣ покойнаго. Правда при бѣгломъ просмотрѣ трудно было составить себѣ точное представленіе о томъ, что осталось (я имѣю въ виду разнообразное содержаніе бумагъ); тѣмъ не менѣе, не ограничиваясь сухою описью, постараюсь познакомить и другихъ съ тѣмъ, что составляетъ содержаніе бумагъ покойнаго и въ какомъ состояніи онѣ находятся.

Девять десятыхъ рукописнаго матеріала, заключающагося въ двадцати объемистыхъ папкахъ, представляетъ ничто иное, какъ замѣтки для себя, въ которыхъ намѣчены лишь вѣхи для будущихъ работъ по изученію русскаго слова съ насоро, кое-какъ распределеннымъ матеріаломъ. На всемъ лежитъ печать недоконченности, внезапнаго прерыва, неисключая и III-го тома записокъ по грамматикѣ, обработкой котораго занимался покойный въ самое послѣднее время, будучи уже тяжело боленъ. Общее впечатлѣніе отъ просмотра бумагъ таково, что мы съ полнымъ правомъ можемъ сказать объ Ал. Аѳ. тоже, что сказано имъ было когда-то по поводу смерти даровитаго филолога, питомца Харьковскаго университета, Ал. Вас. Попова: „вечіронька на столі, а смерть за плечима“; съ тою только разницею, что тамъ были широкіе планы, намѣренія и научная сила сгилла въ самой завязи, а здѣсь—цѣлый рядъ вопросовъ, интереснѣйшихъ по своей новизнѣ и строго-научному рѣшенію, вопросовъ порѣшенныхъ уже, но ждавшихъ только послѣдней отдѣлки....

Наиболѣе обработаннымъ трудомъ является III-й томъ Записокъ, съ котораго я и начну свою опись. Эти записки, примыкая къ нѣкоторымъ общимъ положеніямъ, намѣченнымъ въ первыхъ двухъ томахъ,

находятся въ тѣснѣйшей связи съ перепечатавающимся въ настоящее время раннимъ соч. А. А. „Мысль и языкъ“, такъ какъ отношеніе мысли къ слову составляетъ фонъ всей работы, основной задачей которой служить вопросъ „откуда и куда мы идемъ“ въ смыслѣ прогресса мысли.

Кромѣ общей заглавной рубрики „Объ измѣненіи значеній и замѣнахъ существительнаго“ въ 1-ой папкѣ, содержащей въ себѣ начало новыхъ Записокъ, мы находимъ еще слѣдующія подраздѣленія: первообразна-ли отвлеченность существительныхъ качества? Происхожденіе прилагательныхъ; согласованіе прилагательныхъ; согласованіе именъ въ степени уменьшительности. Происхожденіе разрядовъ существительныхъ. Грамматическій ходъ и его роль въ выработкѣ категорій существительнаго. Содержаніе II-ой папки исчерпывается слѣдующими заглавіями: Атрибутивность существительнаго; переходъ приложеній въ предложенія. Предикативность существительнаго; вытѣсненіе существительнаго адъективными и вербальными оборотами. Устраненіе субстанціальности предикативнаго имени посредствомъ субъектныхъ и безсубъектныхъ оборотовъ. Разборъ безсубъектныхъ выраженій (Mikl. Subjektlose sätze“). III-я папка раздѣлена двумя заглавіями: Формальные (синтактические) признаки конкретности существительнаго; тождество и сочетаніе синонимовъ. Наконецъ, еще въ одной папкѣ находятся черновыя замѣтки для того же III-го тома; здѣсь среди старыхъ пожелтѣвшихъ листочковъ лежитъ нѣсколько новыхъ листовъ, на которыхъ начата только переписка замѣтокъ подъ рубрикой: Перечисленіе части понятій, выраженныхъ существительными, при обнимающихъ ихъ общихъ (въ древнемъ стрѣбъ рѣчи).

Вмѣсто предисловія въ началѣ новыхъ Записокъ помѣщено нѣсколько общихъ замѣчаній о языкѣ и задачахъ языкознанія; здѣсь разбираются и опровергаются нѣкоторыя положенія Макса Мюллера въ его соч. „Das Denken“..., Спенсера—о методѣ изслѣдованія, и приводятся Гумбольдтовскія теоремы, болѣе обстоятельный сводъ которыхъ находится въ раннемъ трудѣ Ал. Ло. „Мысль и языкъ“. Изслѣдованіе о грамматическомъ родѣ, начатое по поводу книги Вольтера, находится въ связи съ вопросомъ о происхожденіи разрядовъ существительнаго, каковы имя дѣйствителя (nom. agentis, основная категорія), имя дѣйствія (nom. actionis), имя дѣла—вещи (n. acti) и пр. Здѣсь же помѣщены и замѣтки по поводу статьи Бругмана, утверждаваго, что грамматическій родъ не находится въ связи съ естественнымъ.

Возраженія Бругману среди этого отдѣла составляютъ незначительную только часть; отдѣльной статьи о книгѣ Бругмана въ бумагахъ не оказалось.

Общее значеніе грамматическаго рода, которое ясно изъ самого заглавія отдѣла, опредѣляется между прочимъ такъ: грамматическій родъ вилетается въ распредѣленіе категорій мысли и является не просто остаткомъ сѣдой старины, наивнаго міросозерцанія, а важнымъ средствомъ приведенія въ порядокъ всего содержанія мысли.

Скромное заглавіе новаго труда по грамматикѣ, какъ и приведенныя выше рубрики не дадутъ никакого представленія о содержаніи его. А между тѣмъ это, именно, „Мысль при свѣтѣ языка“ или, лучше сказать „Исторія русской мысли подъ освѣщеніемъ русскаго слова.“ Въ этомъ трудѣ наглядно доказывается мысль, которую не разъ высказывалъ Ал. Аѳ., что языковѣдѣніе—наука историческая и что оно должно быть вполне націоналистично. Сочиненіе по своему философскому характеру, какъ и упомянутое уже „Мысль и языкъ“, имѣетъ общій интересъ. Рисуя приемы древняго строя мысли, прекраснымъ образомъ котораго можетъ служить живопись безъ переспективы (Изъ записокъ, 2 изд., 300) и восходя къ болѣе сложнымъ приемамъ современнаго языка и мышленія, выработаннымъ вѣками, А. А. даетъ въ новомъ трудѣ новое частное рѣшеніе основной задачи грамматики, состоящей, по его словамъ, въ томъ, чтобы довести до сознанія *цѣли*, преслѣдуемаго языкомъ, какъ орудіемъ мысли, и *средства*, при помощи которыхъ достигаются эти цѣли. А цѣли эти состоятъ между прочимъ въ познаніи міра въ тѣсномъ смыслѣ путемъ выдѣленія своего *я*, надъ которымъ трудится и наука и всё человѣчество, идя по различнымъ путямъ, т. е. пользуясь разными языками, какъ орудіемъ познанія. Нѣтъ нужды говорить о важномъ значеніи этого труда для насъ русскихъ, что было бы преждевременно; но нелишне будетъ теперь указать на одну существенную его черту: въ немъ выяснены особенности уложенія мыслей въ русскомъ словѣ, въ постоянномъ процессѣ его измѣненія, совершенствованія. Какъ развивалось русское слово и мысль, это показывается на частныхъ фактахъ: на измѣненіи разрядовъ имени, отъ котораго зависитъ измѣненіе строя рѣчи, приемовъ мышленія. Общій характеръ этого постояннаго преобразованія, развитія выражается между прочимъ въ томъ, что сопоставленіе (паратактизмъ) замѣняется подчиненіемъ (гипотактичность); живопись безъ перспективы смѣняется стройнымъ изображеніемъ дѣйствительно-

сти, какъ она отражается въ нашей мысли. Анализъ языка, по словамъ А. А. (и это доказано имъ въ послѣднихъ запискахъ), показываетъ также, что ходъ человѣческой мысли идетъ парными толчками, что парность грамматическихъ разрядовъ, типичнымъ и основнымъ образцомъ которой является подлежащее и сказуемое, есть въ тоже время и парность философскихъ категорій; что при этомъ ритмическомъ процессѣ развитія мысли постоянно измѣняются грамматическіе разряды, а вмѣстѣ съ ними и философскія категоріи, субъектъ предиката и пр. и такія обобщенія какъ матерія и духъ, субстанція и сила, причина и слѣдствіе. Повсюду попутно съ анализомъ грамматическихъ явленій указывается на человѣкообразность такихъ общихъ понятій и на стремленіе выдѣлить эту человѣкообразность, что не увѣнчивается полнымъ успѣхомъ, ибо мыслить иначе, какъ по-человѣчески т. е. языкомъ созданнымъ и навязаннымъ тысячелѣтіями, человѣкъ не можетъ. Въ иныхъ случаяхъ, говоритъ А. А., печать человѣчности общихъ понятій менѣе уловима, въ другихъ она доступна и обыкновенному сознанію. Таковы, напримѣръ, понятія для выраженія причинности— *вражда, любовь, сходства— семейство, родъ* и то, безъ чего семейство невозможно, *полъ*. Разборъ этихъ понятій идетъ вслѣдъ за отдѣломъ о грамматическомъ родѣ, носящемъ на себѣ слѣды той же человѣчности, II-я и III-я папки заключаютъ массу частныхъ явленій языка, характеризующихъ тѣ же усилія мысли подняться отъ конкретнаго къ отвлеченному, отъ познанія на четверенькахъ къ быстротѣ телеграфныхъ сообщеній. Важнымъ шагомъ въ этомъ процессѣ видоизмѣненія приѣмовъ мысли является атрибутивность и предикативность имени, выработанная давно уже и ведущая съ одной стороны къ образованію прилагательнаго, отвлеченнаго имени изъ существительнаго первообразнаго, вмѣщавшаго въ себѣ всѣ свойства прилагательнаго, т. е., полную атрибутивность, качественность, не отвлеченную, а соединенную съ субстанціальностью, вещественностью; а съ другой—къ замѣнамъ его глагольнымъ сказуемымъ, субъектными и безсубъектными оборотами, анализъ которыхъ, какъ и свойствъ прилагательнаго, ведетъ къ обнаруженію интереснѣйшаго явленія, замѣчаемаго въ языкѣ, именно устраненія субстанцій, становящихся мнимыми, въ рѣчи и въ мысли.

Но на поверхности языка пестрѣютъ слѣды далекаго прошлаго, напр., паратактическія парныя сочетанія и новообразования по этимъ древнимъ образцамъ, имѣющія уже другое значеніе. Поэтому въ заключеніи труда мы находимъ съ одной стороны указанія формальныхъ

(синтаксическихъ) признаковъ конкретности существительнаго, а съ другой опредѣленіе роли тождесловія и сочетанія синонимовъ, какъ средства выражать субъективные оттѣнки мысли и создавать новыя значенія.

Переписка новыхъ записокъ по грамматикѣ, предпринятая бывшими слушателями А. А., нерѣдко обнаруживаетъ, что отдѣлка этого труда далеко еще не была закончена, что работа мысли остановилась на всемъ теченіи. Среди переписанныхъ набѣло рукою покойнаго листовъ вдругъ попадаются то тамъ, то симъ листочки или цѣлыя пачки ихъ съ замѣтками и выписками, неприуроченными къ опредѣленному мѣсту, съ черновымъ, неотдѣланнымъ матеріаломъ, изъ котораго не всё еще было извлечено. Кромѣ того повсюду встрѣчаются приписки на поляхъ безъ указанія, куда ихъ отнести. Кто знакомъ съ характеромъ изслѣдованій А. А., съ его приемами анализа и распредѣленія фактовъ не механически, по внѣшнимъ признакамъ, а по внутренней психической связи, причѣмъ не упускаются изъ виду самые неуловимые оттѣнки мысли и дѣлаются часто кажущіяся отступленія въ сторону; тотъ пойметъ, какъ трудно теперь, когда духъ его отлетѣлъ, разобраться съ этими приписками, вставками и т. п. Правда въ нихъ большею частью приводятся факты, но послѣдніе нельзя понимать, какъ нѣчто бросающееся въ глаза: въ научномъ фактѣ остается лишь то, что имѣетъ отношеніе къ соотвѣтствующимъ законамъ и обобщеніямъ. При наличности внѣшней классификаціи, по времени, формальнымъ особенностямъ приводимыхъ фактовъ, всегда надо имѣть въ виду эти обобщенія, которыя часто не даются Потебней, а иллюстрируются только конкретными явленіями, типичными образцами. Простая аналогія тутъ непоможетъ; каждый фактъ, занесенный подъ опредѣленную рубрику, придется будущей редакціи разложить про себя, чтобы потомъ приурочить его къ той или другой группѣ фактовъ.

Въ виду этого по мысли М. С. Дринова пока ведется только механическій процессъ переписки; каждый изъ участвующихъ въ перепискѣ, не выходя изъ положенія трости въ рукѣ книжника, по мѣрѣ силъ своихъ старается, провѣривъ по памятникамъ, передать въ болѣе доступномъ для прочтенія видѣ содержаніе рукописи, не забывая о группировкѣ фактовъ, исправленіи описокъ, недомолвокъ, неизбежныхъ въ черновой работѣ; а на поляхъ дѣлаются приписки карандашомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ошибка обнаружена сличеніемъ выписки съ подлинникомъ и т. п. Переписка ведется на одной сторонѣ листа, что облегчить поправки и перестановки при окончательной редакціи.

Вообще можно сказать, что теплое участіе жены покойнаго М. Ф. Потебни, готовность и усердіе бывшихъ слушателей, товарищей и учениковъ его привести въ порядокъ и издать его духовное наслѣдіе служить полнымъ ручательствомъ за то, что и новый томъ Записокъ, по грамматикѣ, какъ и другіе посмертные труды будутъ обнародованы, несмотря на всѣ трудности, самымъ тщательнымъ образомъ. Желательно было бы, чтобы при 3-емъ томѣ записокъ былъ приложенъ общій предметный указатель и къ первымъ двумъ частямъ, который кромѣ удовлетворенія общепринятымъ требованіямъ, необходимъ между прочимъ и потому, что въ нихъ повсюду разбросана цѣлая масса драгоценныхъ фактовъ и блестящихъ мыслей, не предполагаемыхъ вовсе заглавными рубриками.

Въ другихъ рукописныхъ матеріалахъ пока не найдено ни одной статьи сколько-нибудь цѣльной, если не считать вполне приготовленнаго къ печати, но нигдѣ ненапечатаннаго отвѣта П. Лавровскому на его разборъ диссертациі „О миѣическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ“.

Находящіеся въ 3-хъ папкахъ записки по теоріи словесности въ общей массѣ производятъ впечатлѣніе замѣтокъ для себя, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начата была уже обработка черновыхъ набросковъ. Содержаніе этихъ замѣтокъ по тремъ папкамъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ.

1) Исходи изъ общаго положенія, что изслѣдованіе простѣйшихъ явленій жизни даетъ возможность понимать болѣе сложные и примѣняя его къ языку, А. А. проводитъ параллель между словомъ и сложнымъ поэтическимъ произведеніемъ. Свойства слова частью аналогичны частью тождественны свойствамъ поэтическаго произведенія. Отношеніе говорящаго къ слову двояко: прежде всего для себя, потомъ для другихъ; въ первомъ случаѣ оно т. е. слово служитъ орудіемъ и вмѣстѣ результатомъ преобразованія мысли, совершенствованія ея производителемъ, говорящаго; во второмъ оно является средствомъ пониманія. Въ сложныхъ поэтическихъ произведеніяхъ—тоже самое, съ тою только разницей, что различіе обоихъ моментовъ—явственнѣе; положеніе это иллюстрируется Пушкинымъ, Гёте и другими. Вообще А. А. при анализѣ психологіи творчества пользуется всегда признаніями самихъ поэтовъ, уклоняясь отъ апріорныхъ умозаключеній

Далѣ слѣдуетъ опредѣленіе поэзіи какъ дѣятельности по роду и виду, но безъ той схоластической сухости, какая свойственна такого рода опредѣленіямъ, и указывается разница между искусствами по средствамъ выполненія. Вслѣдъ за рубриками „Родословная искусства“, „Поэтъ, публика, критика, толпа“ (иллюстраціи изъ Гёте, Пушкина, главнымъ образомъ изъ „Егип. почей“, Тургенева и др.) опредѣляется значеніе поэтического произведенія для автора и для публики. Подобно тому какъ слово есть актъ мысли, поэтическое произведеніе сложное разсматривается здѣсь, какъ рѣшеніе задачи, вызванной по Гётевскому выраженію внутреннимъ категорическимъ императивомъ: художника нудить создавать образы. Особенное вниманіе обращалъ А. А. на отрицательные типы или отрицательныя черты характеровъ; въ нихъ онъ находилъ важное орудіе личнаго усовершенствованія путемъ объективированія своихъ недостатковъ. Послѣ небольшой замѣтки о видахъ поэтической иносказательности и условіяхъ процвѣтанія и паденія поэзіи идутъ слѣдующія рубрики: Поэзія и проза, какъ два вида мышленія, поэзія и наука (философія), образъ и примѣненіе (элементы поэтического мышленія), фактъ и законъ (эл. научнаго мышленія), вдохновеніе (теорія его въ историческомъ развитіи), стыдливость творчества (признанія поэтовъ *sub rosa*) и наконецъ, народная поэзія: пѣсня, сказка, пословица, поговорка. Здѣсь же находится цѣлый рядъ замѣтокъ возраженій Веселовскому по поводу его взглядовъ на сравнительную міеологію.

2-я папка записокъ по теоріи словесности начинается слѣдующей замѣткой: человекъ идетъ отъ того состоянія мысли, при которомъ конкретное явленіе, впечатлѣнія текущаго мгновенія заполняютъ всю ширину и глубину сознанія, къ тѣмъ состояніямъ, при коихъ при помощи все большаго и большаго отвлеченія, стремленія расширить кругъ отвлеченныхъ понятій, мысль становится способной обнимать все болѣе и болѣе сложные ряды явленій.

Теорія міаа въ его отношеніи къ поэзіи составляетъ содержаніе всей этой папки, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ рубрикъ: Міеическое воззрѣніе на вдохновеніе. Здѣсь анализъ взглядовъ древнихъ на причину вдохновенія ведетъ къ цѣлому ряду замѣтокъ о понятіи причины, которое, какъ время, пространство и пр., производно. Первоначально это—сочетаніе образа съ объясняемымъ по сходству, противоположности или смежности въ пространствѣ, послѣдовательности во времени. Заключенія отъ сходства, причинная зависимость по формулѣ *cum hoc ergo propter hoc, post hoc ergo propter hoc* являются ничѣмъ

инимъ, какъ результатомъ умозаключенія въ области метафоры, метониміи и пр. Приемы миѳическаго мышленія, помимо образовъ народной поэзіи, при анализѣ понятій причинности, выражаемой между прочимъ терминами *вражда, любовь* (о чемъ и въ новыхъ запискахъ по грамм.) иллюстрируются выписками изъ Плинія. Здѣсь раскрывается цѣлое міросозерцаніе, непохожее повидимому на наше, но созданное по тѣмъ же законамъ человѣческой мысли, и слѣды его не трудно открыть и теперь. Среди прочихъ примѣровъ видное мѣсто занимаютъ образцы миѳическаго творчества изъ народной поэзіи, заговоровъ, лѣчебниковъ, основанные на томъ, что лѣкарства враждебны тому, что производитъ болѣзнь (теорія противоядій), или дружественны.

Вслѣдъ за анализомъ приемовъ миѳическаго творчества идетъ опредѣленіе миѳа, разграниченіе поэтическаго и миѳическаго мышленія. Миѳъ есть необходимый шагъ мысли; созданіе миѳа есть актъ познанія, какъ и созданіе новаго слова. Отношеніе теоріи словесности къ миѳологіи такое же, какъ ея отношеніе къ исторіи литературы; анализъ миѳа есть исторія миѳическаго міросозерцанія. Разница между миѳическимъ и поэтическимъ мышленіемъ состоитъ въ слѣдующемъ: пользованіе поэтическимъ образомъ, какъ средствомъ преобразованія мысли, предполагаетъ способность ея къ научному мышленію, къ анализу, критикѣ; созданіе миѳа есть результатъ внесенія объясняющаго въ объясняемое (при миѳическомъ пользованіи образомъ) и предполагаетъ конкретность мышленія, отсутствіе критики. (Образецъ иллюстраціи: горячее сердце—поэтической образъ, и миѳъ о причинѣ пожара при Іоаннѣ IV: Глинскіе настаивали человѣческія сердца и настойкой кропили крыши). На той же почвѣ миѳическаго мышленія при отождествленіи слова и вещи возникаетъ вѣра въ силу слова, откуда заговоры и пр.

Вообще въ содержаніи этого отдѣла большое мѣсто отведено выясненію приемовъ поэтическаго и миѳическаго мышленія, какъ въ первой поэтическаго и прозаическаго или научнаго. Заканчивается онъ замѣткой объ эфемизмѣ, сначала появляющемся въ миѳической окраскѣ и переходящемъ потомъ въ *pruderie*. Эфемизму придается большая роль въ созданіи языка, и А. А. не разъ указывалъ на это явленіе, какъ на серьезную задачу для изслѣдованія.

Наконецъ, вся третья папка посвящена формамъ поэтической индиксальности. Здѣсь сначала разсматриваются такіа явленія, какъ гипербола (отличіе ея отъ лжи), иронія, сарказмъ, хлестаковщина (какъ

особый видъ гиперболы), игра словами, перифразъ и пр. Далѣ слѣдуетъ отдѣлъ о тропахъ и фигурахъ, которому предпосылается разборъ ученія о нихъ древнихъ, Аристотеля, Квинтилиана и др. и новыхъ, главнымъ образомъ Гербера и Луки Зимы. Указавъ на неправильное выдѣленіе эпитета, какъ особаго вида троповъ, А. А. принимаетъ три основныхъ вида: синекдоху, метонимію и метафору. Замѣчательно здѣсь то, что и эти поэтическія категоріи А. А. не считаетъ неизмѣнными, какъ и категоріи грамматическія. Все зависитъ отъ того, на какой ступени развитія мысли стоитъ говорящій, другими словами, отъ отношенія его къ слову. Отсюда при разсмотрѣніи этихъ явленій въ процессѣ исторіи мысли—невозможность положить определенныхъ границъ между ними, когда синекдоха переходитъ въ метонимію, а метонимія въ метафору. Разматривая отдѣльно эти тропы, А. А. отъ простыхъ постоянно переходитъ къ сложнымъ формамъ. Такъ вслѣдъ за синекдохой разбираются сложныя ея формы, *парадегура*, литературный типъ. Затѣмъ идетъ метонимія и ея отношеніе къ синекдохѣ, метафора, простая, какъ членъ предложенія, сравненіе, (переходъ образа въ обстановку, о чемъ см. въ объясн. малор. и срод. пѣс.), уподобленіе; виды сложной метафоры: аллегорія, притча, басня и пр.

Вотъ вкратцѣ передача содержанія записокъ по теоріи словесности въ томъ видѣ, какъ они находятся теперь. Нѣсколько иначе оно распредѣлялось въ курсахъ, читанныхъ А. А.—чемъ, насколько можно судить объ этомъ по имѣющимся студенческимъ запискамъ и двумъ конспектамъ этихъ курсовъ, относящимся къ разному времени. Одинъ изъ нихъ составленъ довольно полно самимъ А. А.—чемъ, другой, очевидно, однимъ изъ его слушателей и находится среди разныхъ черновыхъ замѣтокъ, еще неразматрѣнныхъ.

Состояніе всѣхъ этихъ записокъ таково, что требуетъ основательнаго изученія, безъ котораго приступить къ изданію невозможно. Здѣсь придется имѣть дѣло просто съ черновымъ матеріаломъ. Но при обработкѣ его могутъ принести нѣкоторую пользу отчасти студенческія записки, отчасти упомянутые конспекты и, наконецъ, записанныя нѣкогда стенографически и провѣренныя самимъ А. А.—чемъ 10 частныхъ лекцій, посвященныхъ вопросу объ отношеніи поэтическихъ произведеній къ слову.

Содержаніе остальныхъ 14 папокъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми разрозненными замѣтками, связанными въ пачки, можно раздѣлить на три отдѣла: матеріалы для этимологіи (словари), для грамматики и записки

смѣшаннаго характера. Кромѣ трехъ папокъ, занятыхъ исключительно словарнымъ матеріаломъ, послѣдній находится и въ отдѣльныхъ связкахъ и въ двухъ тетрадкахъ съ комментаріями на Договоры съ греками и Слово Даниіла Заточника. Матеріаль разсортированъ въ 2-хъ папкахъ и связкахъ по буквамъ, въ 3-ей онъ находится въ томъ видѣ, какъ дѣлались выписки. Въ 1-ой папкѣ находятся слова на буквы: м, н, о, п, р, с, т, у, ч, ш, я, затѣмъ на л, р, з, х, с, т; въ связкахъ — въ одной отъ к. до с; въ другой — на б, в, г, д, ж, з; въ третьей отъ р, с, до конца азбуки; въ четвертой — собственные имена, фамиліи, расположенныя также въ азбучномъ порядкѣ. Много выписокъ съ собственными именами находится и во 2-ой папкѣ, а третья вся занята словами на буквы отъ б до л. Весь собранный здѣсь матеріаль по своему характеру напоминаетъ обнародованное уже въ печати, въ 4 выпускахъ „Къ исторіи звуковъ“ и въ недавнихъ еще замѣткахъ въ „Живой Старинѣ“. Словамъ, на примѣръ, со звукомъ х предшествуетъ фонетическая замѣтка объ измѣненіи этого спиранта на почвѣ русскаго языка; въ другихъ случаяхъ, кромѣ бытовыхъ объясненій, встрѣчаются и историко-литературныя; а нѣкоторые выписки напоминаютъ издающіеся въ настоящее время „Матеріалы для древнерусскаго словаря“ Срезневскаго. Общій же характеръ этихъ замѣтокъ — этимологія, понимаемая въ смыслѣ раскрытія лексической полноты слова. Если исторія слова выходитъ за предѣлы русскаго и славянскихъ языковъ, то для уясненія развитія слова всегда привлекается сравнительный матеріаль изъ прочихъ аріійскихъ нарѣчій. Что до распредѣленія этого матеріала, то азбучный порядокъ изрѣдка встрѣчающійся въ соч. „Къ исторіи зв.“ здѣсь, какъ указано, преобладаетъ; въ частности же нерѣдко встрѣчается и группировка словъ по гнѣздамъ.

Изданіе этихъ матеріаловъ для русскаго сравнительно-этимологическаго словаря несоставитъ большого труда; желательно было бы, чтобы изданіе это было вмѣстѣ съ тѣмъ и перепечаткой вышедшихъ уже въ свѣтъ этимологическихъ изслѣдованій А. А. Потебни. Среди словарныхъ работъ Миклошича и др. трудъ А. А. займетъ почтенное мѣсто и составитъ важную настольную книгу для всякаго занимающагося изученіемъ древней русскаго письменности, народной словесностью и вообще славянскими нарѣчіями. Печатающіеся въ настоящее время „Матеріалы для древнерусскаго словаря“ Срезневскаго получаютъ въ этимологическихъ замѣткахъ А. А. весьма существенное дополненіе, безъ котораго многое въ нихъ останется неяснымъ.

Хотя изученіе звуковой наружности языка А. А. считалъ дѣломъ второстепеннымъ въ языковѣдѣніи и на свои изслѣдованія по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка смотрѣлъ, какъ на необходимыя лѣса для возведенія зданія русскаго синтаксиса; тѣмъ не менѣе всѣмъ извѣстно важное значеніе его фонетическихъ изслѣдованій. Да и самыя синтаксическія его работы достаточно указываютъ на качество этихъ лѣсовъ, среди которыхъ видное мѣсто занимаетъ морфологія русскаго языка. Въ 7-ми папкахъ находятся тѣ матеріалы изъ этой области русскаго языковѣдѣнія, которые покойный неспѣшилъ обнародовать.

Въ первой изъ нихъ находится склоненіе существительныхъ, прилагательныхъ, замѣтки по изслѣдованію о членѣ въ русскомъ и прочихъ славянскихъ нарѣчіяхъ и обь именныхъ суффиксахъ. Категоріямъ родительнаго падежа, мѣстоименію, частицамъ, союзу (обь излишествѣ союзовъ), превращенію мѣстоименія въ союзъ и нарѣчіе, предлогу посвящены замѣтки во 2-ой папкѣ. Третья заключаетъ въ себѣ матеріалы обь удареніи въ именахъ по склоненіямъ, въ глаголахъ по разрядамъ и формамъ, о вліяніи предлоговъ на ударенія и пр. Отдѣлъ обь удареніяхъ находится въ болѣе обработанномъ видѣ, чѣмъ другіе.

Въ 4-хъ папкахъ собраны матеріалы о глаголѣ, которые должны были, повидимому, лечь въ основу 4-й части записокъ по грамматикѣ какъ и первые три. Судя по начатой разработкѣ этой категоріи рѣчи, это вовсе не матеріалы для изученія формъ глагола ради формъ, а для новаго дополненія къ русскому синтаксису. Вотъ нѣкоторыя рубрики, усмотрѣнныя нами въ этихъ запискахъ: о глагольныхъ разрядахъ; исторія глагола съ внѣшней стороны является его усложненіемъ, исторія его съ внутренней стороны—выработка видовъ; о видахъ, временахъ, наклоненіяхъ, глагольныхъ частицахъ, о вліяніи предлоговъ на образованіе видовъ; о залогахъ, о роли мѣстоименія *ся* въ образованіи залоговъ, о страдательности; роль предлоговъ въ заложенныхъ образахъ (*до, отъ* и др.).

Пересматривая замѣтки о глаголѣ, мы пришли къ тому печальному заключенію, что то, что читалось въ аудиторіи, не заносилось на бумагу; а между тѣмъ такого изслѣдованія о русскомъ глаголѣ и его судьбахъ, какого можно было ожидать отъ А. А., русская грамматическая литература долго, можетъ быть, не увидитъ. Коротенькій семейный курсъ, читанный имъ въ послѣднее время о глаголѣ, указываетъ на то, что онъ имѣлъ въ виду дать стройную исторію происхож-

денія глагольныхъ разрядовъ въ такой же обработкѣ, въ какой мы имѣемъ исторію имени въ 3-й части записокъ.

Что касается остальныхъ папокъ смѣшаннаго содержанія, то въ нихъ за исключеніемъ 2-хъ, посвященныхъ народной поэзіи, народно-поэтическимъ и мѣстическимъ образамъ и одной съ черновыми набросками для новыхъ записокъ по грамматикѣ, интересна по своему содержанію папка съ слѣдующими набросками: Объ изученіи иностранныхъ языковъ (по поводу Тютчева) съ цѣлымъ рядомъ замѣтокъ о народности; о задачахъ языкознанія, о важномъ значеніи русскаго языка (конспектъ вступительной лекціи 1881—2 г.); языкъ и задачи языкознанія (болѣе новыя замѣтки); объ искусственномъ языкѣ (по поводу статьи Макса Мюллера въ *Deutsche Rundschau*); о націонализмѣ (по поводу статьи Рюдигера въ *Zeits. f. Volksps.*; замѣтки о томъ же по поводу книги Данилевскаго „Россія и Европа“; объ Одоевскомъ (конспектъ реферата); о Дневникѣ писателя (тоже); о литературномъ письменномъ общерусскомъ языкѣ; о заповѣди „чти отца твоего“ въ примѣненіи къ дѣтелямъ слова. Замѣтки такого же общаго характера находятся и въ другихъ папкахъ и среди бумагъ еще неразобранныхъ, какъ напр. о пессимизмѣ, объ отношеніи къ прошлому, о диссертациі Соболевскаго, о методѣ изслѣдованія, о Л. Толстомъ (его послѣднихъ сочиненіяхъ) и пр. Всѣ онѣ имѣютъ весьма важное значеніе для біографіи (я не говорю о научномъ ихъ значеніи, которое несомнѣнно) А. А., для выясненія его взглядовъ на нѣкоторые волнующіе и волновавшіе нѣкогда русское общество вопросы; онѣ прольютъ свѣтъ также и на его міросозерцаніе, цѣльное и жизнерадостное, и опредѣлятъ, какимъ образомъ сложился этотъ типъ положительнаго человѣка съ здоровыми убѣжденіями, такъ благотворно вліявшаго на всѣхъ, кому пришлось побывать въ его сообществѣ.

Я не упомянулъ еще объ одной рукописи, именно о переводѣ Одиссеи на малорусскій языкъ размѣромъ подлинника. А. А. серьезно занимался этимъ трудомъ во время одной лѣтней поѣздки за границу, отдыхая отъ своихъ научныхъ занятій. Сотни стиховъ или больше переписаны имъ набѣло, часть рукою его жены М. Ф. Потебни. Остальное—наброски карандашемъ, обнимающіе 8 нѣсенъ и начало 9-й, да подготовительныя замѣтки для перевода. Судя по нимъ, покойный хотѣлъ дать переводъ чисто-народнымъ языкомъ, близкимъ къ стилю Гомера; и потому сдѣланное имъ начало перевода представляетъ трудъ весьма интересный въ литературномъ и въ научномъ отношеніи.

Есть, наконецъ, еще пачки бумагъ неразсмотрѣнныхъ, которыя не представляютъ ничего цѣлаго. Это — отчасти конспекты лекцій, отчасти обрывки „научнаго дневника“, (по выраженію покойнаго) съ замѣтками и выписками изъ читанныхъ имъ книгъ.

Списокъ печатныхъ сочиненій А. А. Потебни и отзывовъ о нихъ.

(Составленъ проф. Н. Θ. Сумцовымъ).

О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи, Харьковъ. 1860 (155 стр.). Объ этой кн. см. „Соврем. малор. этнографію“ г. Сумцова въ Кіев. Старинѣ 1892 II 206—208 и IV 26.

Мысль и языкъ. Рядъ статей въ Журн. Минист. Народ. Просвѣщенія 1862 г. Были оттиски (191 стр.). Второе посмертное изданіе вышло въ 1892 г. Объ этой кн. см въ ст. Б. М. Ляпунова и ст. М. С. Дринова, вошедшихъ въ сборникъ некрологовъ.

О связи нѣкоторыхъ представленій въ языкъ въ Филол. Запискахъ 1864 г. вып. III.

О мифическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій. I Рождественскіе обряды. II Баба—Яга. III Змѣй. Волкъ. Вѣдьма (310 стр.). Напеч. въ 2 и 3 кн. „Чтеній моск. Общ. ист. и древн.“ 1865 г. Обширная рецензія П. А. Лавровскаго въ 2 кн. „Чтеній моск. Общ. ист. и древн.“ 1866 г. См. Сумцова во II кн. Кіев. Стар. 1892 с. 208—214. Отвѣтъ Потебни Лавровскому не былъ напечатанъ Бодянскимъ и сохранился въ рукописи.

Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка: I Полногласіе. II Звуковыя особенности русскихъ нарѣчій. Напеч. въ Филол. Запискахъ 1864—1865 г.; были оттиски (156 стр.). Объ этихъ трудахъ Потебни выше приведены отзывы Срезневскаго и Ляпунова.

Замѣтка на замѣтку о Кикѣ въ Филол. Зап. 1865 I.

О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ, нап. въ „Древностяхъ Москов. Археол. Общества 1867, т. II; были оттиски (44 стр.). См. Кіев. Старину 1892 II 214—215.

О купальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленіяхъ, нап. въ „Археолог. Вѣстникъ“ Моск. Археол. Общества 1867; были оттиски (19 стр.). См. Кіев. Стар. 1892 II 215—216.

Къ статьѣ Аванасьева „Для Археологій русскаго быта“, въ „Древностяхъ“ Арх. Общ. 1867 I вып. 2.

Переправа черезъ воду, какъ представленіе брака, въ Археол. Вѣстн. 1868 нояб.—дек.

Замѣтки о малорусскомъ нарѣчїи, въ „Филол. Запискахъ“ 1870 и отдѣльно 1871 г. Отзывъ Срезневскаго въ его „Отчетъ“ 1875 г. стр. 22.

Изъ записокъ по русской грамматикѣ I введеніе. Напеч. въ Филол. Запискахъ 1874 г.; были оттиски (157 стр.). II составныя части предложенія и ихъ замѣны въ русскомъ языкѣ. Напеч. въ „Запискахъ харьк. университета“ 1874 и отдѣльно (538 стр.). Обѣ части составили докторскую диссертацию. Второе изданіе, исправленное и дополненное вышло въ 1889 г. Отзывы А. А. Котляревскаго, И. И. Срезневскаго, И. В. Ягича, В. И. Ламанскаго, А. С. Будиловича и И. В. Нетушила приведены выше.

Къ исторїи звуковъ русскаго языка. Первая часть печаталась въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1873—74 г. и Филол. Зап. 1875; 2, 3 и 4 въ Рус. Филол. Вѣстникѣ 1880—1886 г.; затѣмъ вышли отдѣльно въ 4 частяхъ. Въ I ч. (243 стр.) „Нарѣчїя въ древнемъ русскомъ языкѣ“, „Начальное рус. о=ст слав. ѿ“, три статьи о глухихъ звукахъ ѣ и ъ, статья о первомъ полногласїи (оро—ра и пр.) и о этимологическихъ различенїяхъ коренныхъ гласныхъ въ глаголахъ; во II—IV разныя этимологическія замѣтки, однѣ вполне филологическія, другія переходятъ въ этнографическія. О послѣднихъ см. Киев. Старину 1892 III 409—423. Статья о юсахъ была перепечатана въ „Архивъ“ Ягича

Орфографическая замѣтка о слитномъ употребленїи отрицанїя не съ глаголами, въ Филол. Зап. 1875 VI.

Разборъ книги П. Житецкаго, „Обзоръ звуковой исторїи малорусскаго нарѣчїя“ 1876 г. въ „Отчетѣ объ Уваровскихъ премїяхъ“.

Малорусская народная пѣсня по списку XVI в. Текстъ и примѣчанїя. Въ „Филол. Зап.“ 1877 г., были оттиски (53 стр.) см. Киев. Старину 1892 II.

Слово о Полку Игоревѣ. Текстъ и примѣчанїя. Въ Филол. Зап. 1877—78 г. и отдѣльно (158 стр.).

Разборъ „Нар. пѣсень Галицкой и Угорской Руси“ Головацкаго въ 21 отчетѣ объ Уваровскихъ премїяхъ въ 37 т. Записокъ Акад. Наукъ (1878 г.).

Некрологъ проф. М. А. Колосова въ „Южномъ Краѣ“ 1881 г. № 28.

Объясненїя малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень. Печ. въ Рус. Филол. Вѣст. 1882—1887 г. Въ отдѣльности составили два толстыхъ тома: I т. (1883 г.) веснянки (268 стр.); въ II (1887) колядки (535 стр.). О I т. см. отзывъ Неймана въ IV кн. Киев. Стар. 1884 г. о II т.

см. отзывъ Франка въ Kwartalnik Historiczny 1888 № 3, объ обоихъ томахъ см. Сумцова въ Киев. Стар. 1892 IV и V.

Значенія множественнаго числа въ русскомъ языкѣ, въ Филол. Зап. и отдѣльно въ 1888 г.; 76 стр.

Сочиненія Г. О. Квитки въ 4 томахъ (1887--1890) вышли подъ редакціей А. А. Потебни.

Сочиненія П. П. Артемовскаго—Гулака въ V кн. Киевской Старины 1888 съ краткимъ предисловіемъ и подъ редакціей А. А. Потебни.

Степовы думы та стихи, Ивана Манджуры 1889 г. подъ редакціей А. А. Потебни.

Малорусскіе домашніе учебники XVIII в. съ предисловіемъ А. А. Потебни въ I кн. Киев. Стар. 1890. Дополненіе г. Степовича въ IV кн. Киев. Стар. 1890 г.

Сказки, пословицы и т. п., запис. И. И. Манджуры въ Сборникѣ Харьк. Истор.—Филол. Общества 1890 г. подъ редакціей А. А. Потебни.

Этимологическія замѣтки въ III кн. Живой Старины 1891 г. стр. 117—129. Отзывъ А. И. Смирнова въ Рус. Фил. Вѣст. 1891 г. кн. II 309.

к. д. 4222.

